

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

2012 год в Российской Федерации стал временем памятных мероприятий по случаю 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Научное сообщество откликнулось на это событие международными, российскими, региональными конференциями, на которых сакральные страницы национального нарратива — борьба русского народа с Великой армией Наполеона Бонапарта — вновь оказались в центре внимания историков, военных историков, литературоведов, фольклористов, краеведов. Одним из таких научных событий стала российско-венгерско-австрийская конференция «Российская империя и монархия Габсбургов в эпоху Наполеоновских войн», прошедшая 11–12 октября 2012 г. в Москве и организованная Венгерским культурным, научным и информационным центром и Институтом славяноведения РАН при участии Австрийского культурного форума.

Открывая конференцию, чрезвычайный посланник Венгерской Республики Ф. Надь-Ребек зачитал приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгрии в Российской Федерации Иштвана Ийдярто. В нем, в частности, говорилось, что побудило венгерскую сторону выступить с инициативой проведения подобного мероприятия. Дело не только в том, что венгерское дипломатическое представительство пожелало принять участие в проведении года истории в Российской Федерации. Было особо подчеркнуто, что таким образом Венгрия отдает дань памяти событиям российской истории 200-летней давности, прежде всего знаковой Бородинской битве, которая вне зависимости от оценок ее исхода и значения учеными, прочно вошла в историческую память народа. Не в последнюю очередь, выразил надежду посол, ученые России, Венгрии и Австрии получат возможность обсудить новые факты и архивные свидетельства, представить результаты конкретных исследований, имеющие непосредственное отношение к общему прошлому трех стран.

В самом деле, соседство двух континентальных империй в программе конференции нельзя назвать случайностью. Российская империя и монархия Габсбургов имели много общего в своем опыте борьбы с Наполеоном. Обе державы активно участвовали в коалициях против Бонапарта и заключили с ним мир. Москва пережила французскую оккупацию, Вена — проживание «тирана» в одном из своих ближних предместий. Для русского общества и для народов, населявших монархию Габсбургов, контакты с французской цивилизацией, даже в контексте геополитического вооруженного конфликта, означали осмысление опыта и итогов Великой Французской революции, постановку задач достижения гражданского равенства, создания национальных сообществ по «заразительному» примеру Франции.

Два дня плодотворной работы конференции сопровождалось живыми дискуссиями, столкновениями позиций национальных историографий. По общему признанию иностранных гостей, они не ожидали, что столь отдаленные от наших дней события могут вызывать неподдельный интерес у научной и следящей за развитием науки общественности, становиться предметом жарких споров. Предложенная организаторами культурная программа создавала возможности для общения в неформальной обстановке: за дегустацией венгерского пирожного «ретеш», которое напоминает излюбленный россиянами торт «Наполеон», и бокалом вина — венгерского (области Шопрон) или австрийского (земли Бургенланд).

У организаторов не возникало сомнений в необходимости опубликовать материалы конференции. Было, однако, принято решение ограничиться докладами венгерских историков, поскольку их работы наименее известны в России. Между тем, история Венгрии эпохи войн с революционной и наполеоновской Францией дает богатую пищу для размышлений ученым из других стран.

Во-первых, рубеж столетий — это время незаметных глазу сдвигов в общественном сознании. Вести из Парижа находили отклик во владениях Австрийского дома: идеи национального собрания, конституционных ограничений монаршей власти, решительного слома феодальных пережитков и тому подобные новости из Парижа будоражили умы дворян, чиновников, священников, офицеров. Для Венгрии итог жарких споров в аристократических салонах, клубах, читальнях, тайных обществах оказался печален: венский двор переоценил

степень распространения опасных идей и организационного потенциала местных вольнодумцев. Казнь «венгерских якобинцев» в 1795 г. стала моментом устрашения, уроком, преподнесенным обществу силами «Старого порядка». В стране на годы вперед установился режим полицейского надзора, удушающая атмосфера, где исподволь вызревали идеи преобразования общества и государства, о которых в полный голос заявят лучшие представители нации в так называемую эпоху реформ (1825–1848).

Венгерское общество на рубеже веков не осталось в стороне от главного вопроса, на который искали ответ жители континента: кто он, Наполеон Бонапарт, гений или злодей? Янош Поор поставил вопрос о степени независимости венгров в оценках политической роли, которую французский полководец мог сыграть в судьбе Венгрии. Ответ историка — неутешительный: общество «дрейфовало в потоке событий», то славя Бонапарта как освободителя от ярма Вены, то клеймя его как захватчика, то участвуя в походе против России, то торжествуя победу над тираном.

Пока венгерские интеллектуалы спорили о побудительных причинах деяний Бонапарта и пытались предугадать исход событий, война все ближе подходила к границам королевства. В период Второй коалиции (1799 г.) русские и австрийцы пытались сдержать экспансию Наполеона в далеких от Центральной Европы итальянских и швейцарских Альпах. Десять лет спустя, 14 июня 1809 г., на территории Венгрии произошло всего одно сражение с французской армией, но оно вошло в анналы национальной памяти как «дёрский позор» венгерского дворянского ополчения.

Балаж Лазар выявил болевые точки во взаимодействии австрийской и русской армий и показал, как чуждый австрийцам стиль ведения войны, продемонстрированный А.В. Суворовым, несмотря на вызывавшие восхищение победы, приводил к соперничеству за лидерство, нежеланию согласовывать действия и тем более подчиняться русскому военачальнику. Иштван Надь-Луттенбергер предложил детальный анализ плана сражения, которое станет синонимом триумфа Бонапарта — Аустерлиц. Замысел австрийского генерала Франца Вейротера не имел явных изъянов, однако недостатки применяемой австрийцами линейной тактики способствовали плохому сообщению между флангами войск союзников. Стратегический гений Наполеона

проявился в том, что император сумел скрыть от неприятеля прибытие солидного подкрепления и обратить себе на пользу рельеф местности, что предредило поражение австро-русской коалиции.

В период между 1799 и 1806 гг. мирное население венгерских городов и сел встречалось с русской армией дважды: первый раз образцовые колонны маршировали навстречу победам над Бонапартом и снискали всеобщее восхищение обходительностью офицеров и достойным поведением рядовых. После катастрофы при Аустерлице через территорию королевства в спешном порядке была передислоцирована голодная, плохо одетая, морально разложившаяся армия, контакты которой с местным населением во избежание эксцессов пытались максимально ограничить. Иштван Янек восстановил оба пути следования русской армии, действия властей, реакцию венгерской прессы.

Русская кампания 1812 г. стала кульминационным моментом в череде завоевательных войн Наполеона. К тому времени Австрийская империя, поставленная на грань территориальной дезинтеграции и экономического коллапса, уже три года как числилась в союзниках французского императора (заключив 14 октября 1809 г. в Шёнбрунне мир с триумфатором). Иштван Шоош напомнил, что королевство в полной мере разделило бремя расходов, которые несла Австрийская империя как в годы участия в коалициях против Наполеона, так и в качестве дипломатического и военного союзника Бонапарта. Венгерские военные подразделения участвовали в его русской кампании и, хотя не принимали участия в решающих сражениях, смертность в их рядах от ранений и болезней была высока.

Обе статьи Аттилы Рефи представляют собой объемные, исчерпывающие обзоры действий самого «венгерского» из всех родов войск — гусарства. В кампании 1812 г., действуя в составе вспомогательного корпуса, австрийцы и венгры находились по большей части вдали от решающих сражений. На их долю выпала так называемая малая война, для которой было характерно стремление избегать решающих столкновений с неприятелем и постоянное маневрирование. Однако главную роль в «малой войне» играли именно венгерские гусары. Они же в кампании 1813 г., известной российскому читателю как Заграничные походы, обеспечили победы вновь объединившихся против Наполеона русских и австрийцев.

Тамаш Чикань показал пример детальной реконструкции всего одного, но памятного для венгерской армии сражения — при Поддубно (или Городечно) 31 июля 1812 г. (о нем в контексте других боев также пишет А. Рефи). Тогда венгерский 33-й кавалерийский полк совершил, казалось, невозможное — форсировал непроходимое болото и взял прекрасно защищенную высоту. В мемуарной литературе сохранились свидетельства, что и в дни Венского конгресса, когда союзные Австрия и Россия в концерте великих европейских держав решали судьбы континента, император Александр I, встретив одного из офицеров того полка, вспомнил, где и при каких обстоятельствах отличился он и его боевые товарищи. Наконец, микроисторическое исследование Ференца Ленкефи посвящено всего одному эпизоду войны между русскими и французами в 1812 г. — пленению и последующему освобождению из плена венгерского офицера Миклоши сквозь призму материалов ведомственного разбирательства (на предмет возможной измены или вербовки).

Столь разные по проблематике, методике и стилю статьи не исчерпывают многообразия тем, отражающих взгляд из Венгрии на Российскую империю и монархию Габсбургов в Наполеоновских войнах. Тем не менее, они открывают перед российским читателем еще одну перспективу, с которой можно рассматривать легендарные события рубежа XVIII–XIX вв. и, более того, увидеть историю Отечества глазами «другого».

Я. Поор

ДРЕЙФ В ПОТОКЕ СОБЫТИЙ? ВЕНГРЫ И НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Начиная с 1799 г. более десяти лет в европейской политике безраздельно господствовал Наполеон Бонапарт. Не только Венгрия, но целый ряд великих и малых государств были лишены возможности проводить собственную внешнюю и отчасти внутреннюю политику. Европа, которой впоследствии удастся выйти победительницей, дрейфовала в потоке событий, и это в полной мере можно также отнести к Российской империи. Полководец, одержавший победы в Италии, консул, наконец, император, он играючи решал вопросы войны и мира с государствами и империями, которые осмеливались вступить с ним в противоборство. Достаточно посмотреть на карту континента в 1809 г., чтобы убедиться в правоте этого утверждения. На ней мы увидим лишившуюся своих немецких владений и отрезанную от моря Австрию; вернувшуюся в границы, с которых начиналась ее территориальная экспансия, Пруссию; состоящую из 130 департаментов Францию с территорией в 750 км², где проживало 70-миллионное население, из которых французами были лишь 30 млн. Империю окружало кольцо вассальных государств: Рейнский союз, зависимая Швейцария, Итальянское королевство, Неаполь, где правил Иоахим Мюрат, и Испания, где на троне сидел старший брат императора — Жозеф Бонапарт (1768–1844). Наконец, восточный форпост французов — Великое герцогство Варшавское, возрожденная, но уязвимая Польша¹.

Никому еще не удавалось так переkreить Европу. Во вновь образованных государствах были осуществлены важные реформы: отменены поземельная зависимость крестьян и помещичьи привилегии, провозглашены свободы вероисповедания и совести, проведены административные реформы и пр. Духовная элита эпохи Просвещения — по крайней мере, значительный сегмент элиты на немецких, итальянских, польских территориях — приветствовала новый порядок. Однако даже в образцовых государствах у медали было две

стороны: приходилось брать на себя долю расходов по снаряжению и содержанию французской армии. Становилось все яснее, что французы принесли не (только) свободу, но (также) национальный гнет². Примером тут может служить испанское восстание 1808 г. В конце года в стране была расквартирована Великая армия. По изложенным выше причинам представители духовной элиты, смотревшие на Наполеона с надеждой, принимали новый порядок с оговорками, в то время как аристократия, духовенство, монархи, не раздумывая, ненавидели победоносного экспортера революции, и для этого им не требовалось особых поводов. У самого же Бонапарта поле для маневра было ограничено. Существование его созданной на насилии мировой империи продлевалась только непрерывная демонстрация силы. И осенью 1812 г. эта сила потерпела поражение символически, а год спустя — на самом деле. Правители «Старого порядка» во главе своих уставших народов уже красовались в позах героев-освободителей на фоне побежденного космополитического покорителя мира.

Быстрая смена декораций в этой комедии не должна отвлекать от того обстоятельства, что в 1800-е гг. Европа, нравится это кому-то или нет, жила в заколдованном круге, который очертил капрал, коронованный императором. Он не ограничился перекройкой карты. Сама его личность бросала интеллектуальный вызов современникам, так что Бонапарт превратился в эмблематическую фигуру, волновавшую политическую мысль, философию и литературу, особенно русскую, XIX столетия.

Наполеон как явление, естественно, также взбудоражил течение венгерской интеллектуальной жизни. Роль венгров в Наполеоновских войнах стала для ведущих представителей духовной элиты, без преувеличения, проблемой национальной характерологии. Особую роль тут сыграли динамично развивавшиеся события 1809 и последующих годов.

Манифест

13 мая 1809 г. Наполеон в главе 40-тысячной армии второй раз за несколько лет вошел в Вену. Вечером другого дня в дверь квартиры профессора венгерского языка и литературы Венского университета Йозефа Мартона (1771–1840) постучали. На пороге стояли представители французского командования и венской полиции, которым

было предписано доставить ученого во дворец Палфи, где остановился Юг-Бернар Маре (1763–1839) — доверенное лицо и государственный секретарь Бонапарта. Там Мартону вручили французский текст и попросили перевести его на венгерский язык. Дочитав до конца, профессор не на шутку испугался. Да и как было не испугаться верному подданному, если согласие с содержанием документа и причастность к его распространению означали оскорбление величества. Однако возможности отказаться от приказа не представлялось. Единственное, чего удалось добиться Мартону, если верить его собственным признаниям, сделанным годы спустя, был отказ переводить наиболее оскорбительные строки. Французам пришлось искать второго переводчика. Маре знал, что Янош Бачани*, с кем они в 1795 г. вместе сидели в тюрьме тирольского замка Куфштейн (Куфштайн), находится в Вене. Того разыскали и доставили к государственному секретарю. По всей вероятности, именно Бачани — исправив и дополнив перевод Мартона — придал законченную форму манифесту Наполеона к венграм. Такова предыстория документа, датированного 15 мая 1809 г. По крайней мере, так считают современные ученые. Современникам же все виделось по-другому.

Ференц Казинци**, чья разветвленная корреспондентская сеть в начале XIX в. (в том числе в период, о котором идет речь) восполняла отсутствие публичной сферы, распространил иные сведения. Мартон попал в поле зрения французов еще во время оккупации 1805 г. Для перевода одного из своих манифестов Наполеон обратился тогда за помощью к венскому магистрату. Они предоставили в распоряжение императора Йозефа Мартона, который не на шутку испугался, сообщил обо всем венским властям (поспешил к графу Врбне***) и попросил сделать все, чтобы прокламация не попала в Венгрию. Если верить Казинци, который недолюбливал Мартона, именно таким путем тот

* Бачани Янош (1763–1845) — поэт, сторонник французской революции, в 1795 г. как участник якобинского заговора приговорен к тюремному заключению, в 1796 г. вышел на свободу.

** Казинци Ференц (1759–1831) — писатель, поэт, ведущая фигура движения за обновление венгерского языка. Его переписка по сей день остается ценнейшим источником для изучения истории венгерской культурной жизни и политической мысли эпохи.

*** Врбна, Рудольф (1761–1823) — доверенное лицо императора Франца II (I), в 1805 г. исполнял обязанности императорского комиссара (когда двор бежал из Вены, фактически стал самым главным чиновником в столице).

получил профессуру венгерского языка и литературы в Венском университете. В 1809 г. Мартон вновь вышел на авансцену. Якобы Маре обратился в венский магистрат с просьбой предоставить переводчика. Те предложили ему Шамуэля Дечи*, который, однако, ссылаясь на нездоровье, ответил отказом и вместо себя порекомендовал своего соперника — Й. Мартона. Тот — опять-таки, по словам Казинци — не смея взяться за столь щекотливую комиссию, взмолился: «Не хотите же вы, чтобы я совершил аморальное деяние!». После этого Маре поручил перевод своему давнему знакомцу Бачани, который с радостью выполнил задание, из-за чего ему вскоре пришлось спасаться бегством³. Благодаря Казинци долгое время именно Бачани считался переводчиком манифеста.

Венгерский историк Эде Вертгеймер (1848–1930) в статье «Отношение Наполеона I к Венгрии» (1883) усомнился в правдивости истории, пересказанной Казинци с чужих слов, но в выводах был осторожен: нельзя со всей уверенностью называть Бачани автором перевода, как это делали ранее⁴. По утверждению Лайоша Хорански (1871–1944) — автора биографического исследования о Я. Бачани — поэт не играл заметной роли в появлении на свет манифеста, переводчиком же был не Й. Мартон, а некий Карой Кермелич⁵. Также выказывались предположения, что Бачани не имел никакого отношения к описываемым событиям. В 1914 г. Гилберт Шуй в небольшой монографии рассмотрел различные точки зрения и остановился на версии «авторского дуэта» Мартона и Бачани⁶. К историографическому анализу проблемы более полувека спустя вернулся выдающийся венгерский историк Домокош Кошари (1913–2007) и пришел к тому же выводу: перевод манифеста на венгерский язык был совместным творчеством Мартона и Бачани. Основной текст перевел Мартон, а Бачани сверил перевод и дополнил его пропущенными Мартоном предложениями, а не исключено — приписал что-то от себя. Если это было не так, то перевод Мартона скорректировал кто-то другой. Важно, что окончательный текст был одобрен именно Бачани⁷. Уже после выхода в свет книги Кошари его гипотезу на основании одного письма Яноша Ференци подтвердил Иштван Шоош⁸. О чем же говорилось в манифесте?

* Дечи Шамуэль (1742–1816) — врач, писатель, с 1793 по 1816 гг. издавал в Вене газету «*Magyar Kurír*» («Венгерский курьер»).

«Венгры! Настал момент, когда вы можете вернуть свою прежнюю независимость. Примите мир, который я вам предлагаю: да пребудут ваша страна и свобода в полной неприкосновенности; да будет сохранена конституция вашего отечества — в том ли состоянии, что прежде, или с изменениями, которые вы сами, по собственному желанию и усмотрению [...] возможно, сочтете хорошими и для блага сограждан необходимыми. Мне ничего от вас не нужно: я только желаю видеть, как вы станете свободной и подлинно независимой нацией. Объединение с Австрией было главной причиной ваших несчастий; вы проливали за нее свою кровь в далеких странах; и все, что вы имели, непрестанно приносилось в жертву интересам наследственных провинций. Ваша страна — самая красивая часть Австрийской империи; тем не менее, Габсбурги смотрели на вашу Родину как на какую-то завоеванную провинцию, до последнего руководствовались в управлении вами такими намерениями и соображениями, которые к вам совершенно не применимы. У вас есть еще национальный характер, есть родной язык, и вы по праву гордитесь древностью своего славного происхождения. Верните же себе национальное бытие; станьте теми, кем были когда-то! Выберите себе короля, такого короля, за которого встанут горой сограждане и армия!

Венгры! Это то, чего от вас ожидает Европа, чьи взоры сейчас обращены на вас; того же жду от вас я: постоянный, прочный мир, свободный обмен товарами и совершенная независимость и дружба. Вот награда, которая вас ждет, если будете достойны своих славных предков и самих себя.

Не премините принять мое открытое и выгодное вам предложение; не проливайте впустую свою кровь за таких слабых государей, которыми непрестанно помыкают их сребролюбивые советники: их на свои деньги содержит общий враг всей Европы — Англия, строящая свою экономику единственно на торговле и наших раздорах.

Посему сходитесь на Ракошском поле*, как это делали ваши далекие предки, держите там подлинно национальный совет и шлите мне весть о своем решении»⁹.

* Ракошское поле — территория, примыкавшая к средневековому Пешту, которая начиная с XII–XIII вв. служила местом проведения первых Государственных собраний. Ныне в черте Будапешта. — (Прим. перев.)

Серьезное предложение или переполох на пустом месте? Автор и адресаты

Наполеон, конечно же, не думал всерьез о том, что обещал в манифесте — об отделении Венгрии от Австрии. Подтверждением тому может служить та «возня» (назовем ее спектаклем), что была устроена вокруг перевода. Перевод манифеста, призывавшего к созданию независимой Венгрии, то есть к разрыву страны с венским двором, не поручили бы случайным, подвернувшимся под руку переводчикам. Но есть и более важные приметы того, что Наполеон не помышлял об отделении Венгрии от монархии. С одной стороны, ему прекрасно известно, что венгры не имели таких намерений. С другой стороны, это не входило в планы самого Бонапарта. Он не хотел создания независимой Венгрии, просто желал ослабления Габсбургской монархии.

О нежелании Венгрии порывать с Австрией говорили прямые и косвенные свидетельства. С 1799 г. — когда Наполеон пришел к власти во Франции, а затем покорил Европу — и до 1809 г. в Венгрии состоялось четыре Государственных собрания (в 1802, 1805, 1807 и 1808 гг.). Каждый раз там настойчиво выражали готовность взять на себя — сверх суммы годового налога — расходы по ведению войн против Наполеона. В 1802 г. Государственное собрание постановило, что в течение трех лет будет сохранять численность армии неизменной. Сословия также постановили, что в случае возникновения в эти три года военной угрозы палатин (наместник) в обход Государственного собрания может отдать приказ о мобилизации еще 12 тыс. солдат (ст. 1). В 1807 г. сословия пообещали 12 тыс. новобранцев (ст. 1) и финансовую помощь — одну шестую годового дохода и сумму, равную однопроцентному налогу с части имущества (ст. 2). В 1808 г. Государственное собрание вновь предложило выставить 20 тыс. рекрутов (ст. 6). Первейшая причина таких шагов, и здесь не следует упрощать ситуацию, в том, что сословия в ходе войн с Наполеоном — во имя победы над агрессором — сами неоднократно нарушали законы страны. Все перечисленные выше предложения так или иначе нарушали или отменяли строго охраняемые права и законы*. Помимо

* Согласно венгерским законам, поддержание определенной численности армии входило в обязанности короля. Вопрос об очередном рекрутском наборе в Венгрии

прочего, на Государственных собраниях 1805 и 1808 гг. обсуждалась организация народного ополчения¹⁰. В 1808 г. палатину эрцгерцогу Иосифу было сделано соответствующее предложение, и уже на следующий год он призвал дворян к оружию.

Получая непрерывно самую свежую информацию, Наполеон был прекрасно осведомлен, что Государственное собрание настроено к нему враждебно. Но с самого начала в его распоряжении также были донесения о состоянии умов и положении дел в Венгрии. На основании всех имевшихся в его распоряжении данных Бонапарт просто не мог поверить, будто венгры в 1809 г. сойдутся на Ракошском поле и пришлют ему весть о своем решении¹¹. Довольно разнообразные по содержанию донесения французских информаторов объединяет одно: никто не сообщал первому консулу, затем французскому императору ничего существенного. Докладывали, например, о недовольстве, о критических высказываниях в адрес двора и т. п. Следовало ли этому удивляться после событий 1795 г.? В тот год в Буде показательно казнили руководителей так называемого якобинского движения, которые не совершили никакого преступления, лишь высказывали идеи, сочтенные оскорблением величества: 20 мая — Игнаца Мартиновича (1755–1795), Йозефа Хайноци (1750–1795), Якаба Шиграи (?–1795), Ференца Сентмарьяи (1765–1795) и Яноша Лацковича (1754–1795); 3 июня еще двоих — Пала Эза (1766–1795) и Шандора Соларчика (ок. 1769–1795). Около полусотни обвиняемых приговорили к тюремному заключению¹². Иными словами, было бы удивительно, если бы в донесениях информаторов первых лет XIX в. не отмечались бы ноты недовольства двором, со столь неоправданной жестокостью потопившего в крови движение якобинцев. Они, действительно, отмечались. Даже в бумагах палатина Иосифа регулярно встречаются сведения о «революционных» или «повстанческих» заявлениях. Тем удивительнее было бы, если французское правительство серьезно восприняло бы распространенность и опасность этого недовольства. Один из таких информаторов Адриен Лезэ в донесении без даты (написано явно после 1802 г.) остроумно писал: проблема Венгрии не в том, что она объединена с Австрией, но в том, что

принимался Государственным собранием. Выставление солдат в Венгрии, в том числе вербовка, тоже относились к королевским прерогативам.

объединена с ней крайне неудачно¹³. Это наблюдение справедливо и для 1809 г. В самом деле, в Венгрии обнаруживалось некоторое недовольство, но его степень не следовало преувеличивать. К действиям против Австрии страна была точно не готова.

Очевидно, что Венгрия не хотела отделиться от Габсбургской монархии, но нам известно и то, что французское политическое руководство тоже не хотело этого. В конце 1805 г., на пике военного триумфа, когда Наполеону не составило бы труда раздробить Австрийскую империю, Шарль-Морис Талейран (1754–1838) посоветовал Бонапарту не делать этого. По его мнению, Франция нуждается в сохранении монархии. Прежде всего, как оборонительного бастиона против Российской империи. В случае распада владений Австрийского дома нельзя было исключать, предупреждал он, что венгры, которые сами по себе слабы, будут брошены в объятия русских. Если же русские заполучат Венгрию, им не будет равных в Европе¹⁴. Подытожим: манифест 1809 г. должен был вызвать замешательство и ослабить позиции венского двора. Если бы венгры восприняли манифест с воодушевлением, в замешательстве оказался бы сам Наполеон. Не оказался. Восторженной реакции не последовало.

Венгерские сторонники императора

Порвать с венским двором мечтали единицы. Нам известен только один «план отделения» — конституционный проект, который Гергей Берзевици (1763–1822) написал для Бонапарта. Рассмотрим его, имея при этом в виду, что документ не имеет аналогов и выбивается из потока венгерской политической мысли. Впрочем, сначала необходимо сказать несколько слов об авторе.

Гергей Берзевици — высокообразованный, объездивший Западную Европу, обучавшийся в славнейшем Геттингенском университете дворянин — в начале столетия активно публиковался за границей и с конца XVIII в. был последовательным венгерским критиком венского правительства¹⁵. В 1795 г. он стал очевидцем казни венгерских якобинцев в Буде, и вскоре написал имевший широкое хождение памфлет о судебном процессе — своеобразный вердикт политике Франца I в Венгрии¹⁶. Позднее, в книгах на латинском и немецком языках он критиковал дискриминационную таможенную и экономическую

политику Вены в Венгрии¹⁷. Впрочем, Берзевици был последовательным критиком не только австрийского правительства, но и феодальной Венгрии. В 1806 г. предложил читающей по-немецки публике убийственный «диагноз» работы Государственного собрания 1802 г. и поведения венгерской политической элиты¹⁸, во влиятельной работе на латинском языке рассмотрел положение венгерских крестьян¹⁹. Не удивительно, что Берзевици внимательно следил за событиями во Франции и в 1809 г. написал проект венгерской конституции для французского императора²⁰.

Свою позицию и ожидания Берзевици выразил в следующих строках: «Автор этой работы происходит из старинной венгерской дворянской семьи, и вполне доволен теми правами, которыми обладает по праву рождения. Но любовь к родине не должна прятаться под маской себялюбия; и он готов отказаться от привилегий во благо отечества. Таков истинный патриотизм [...] Завоевание европейских государств — деяние великого Наполеона — ныне грозит и Венгрии. Горькое, но необходимое лекарство [...] Вот если бы Венгрия воспользовалась моментом, который вряд ли повторится! [...] Не в том ли божественное провидение, что Австрийский дом, в своем необъяснимом фанатизме идущий до конца, призвал к оружию и даже напал на непобедимого Наполеона. Их ждет поражение и лишение трона [...] Эта катастрофа, впрочем, может оказаться для Венгрии весьма благоприятной, и я смею надеяться, что так и будет». Теперь же рассмотрим сам проект.

Как и в других своих работах, автор (горячий приверженец лютеранского вероисповедания) в упадке Венгрии винит иезуитов, которые, если верить ему, в XVII в. полностью подчинили себе венский двор. Эту страницу прошлого (гораздо позднее) закрыл своими преобразованиями Иосиф II (1780–1790 гг.), и казалось, что его наследник Леопольд II (1790–1792 гг.) наконец обновит Венгрию. Но случилось не так. Реформы, инициированные на Государственном собрании 1790/1791 гг. и призванные стать во многом продолжением политики Иосифа II, были приостановлены. Лишь Наполеон, по мнению Берзевици, мог способствовать возвышению Венгрии. «Слава былых эпох блекнет перед сиянием вашего величества», — пишет он. Далее читаем: «Ваше величество остановило революционный поток и навело порядок. За триумфом Франции последовало преобразование Европы.

Теперь же, когда война уже не принесет новых плодов вашему величеству, надлежит задуматься о мире. Вы хотите осчастливить человечество после стольких страданий. Все, что вы сделали на благо человечества во время войны, вы разделите с нами, и осуществите в дни мира», — восклицал пребывавший в эйфории автор проекта²¹. Но с какой же Венгрией предстояло иметь дело французскому императору?

В современном смысле слова, у Венгрии не было писаной конституции. Вместо нее имелся «Свод права» («*Corpus Juris*»), или корпус находящихся «в хаотическом беспорядке» законов, принятых за минувшие восемь столетий. Старая «конституция», считал автор, покоится на феодальном «Своде права» и плохо вписывается в современные условия. Ее следует заменить новой, либеральной конституцией.

На вершине социальной пирамиды в Венгрии стояло католическое духовенство. Оно составляло первое сословие — вперед магнатов, среднего дворянства и граждан вольных королевских городов, как это говорилось в ст. 1/1608. У подобного общественного устройства когда-то были свои причины. Теперь их не стало. Владения церкви, полагал Берзевици, подлежали секуляризации, священников следовало превратить в обычных чиновников, получающих жалование. Вторым сословием была аристократия, третьим — дворянство. С юридической точки зрения разницы между ними не было никакой, но фактически она была огромна. Исключительный статус привилегированных сословий основывался на военных обязательствах — личном участии в ополчении и выставлении определенного числа рекрутов. По крайней мере, так гласил закон. Законы, регламентирующие участие дворянства в войне, «сокрыты под покровом темноты». И духовенство, и дворянство давно избавились от необходимости исполнять эти обязательства.

В проекте конституции, как и во всех других своих работах, Берзевици называет городское сословие (бюргерство, мещанство) самым ценным элементом общества, в том числе и венгерского. Однако в Венгрии оно было слабо. В 1809 г. в королевстве насчитывалось 48 вольных королевских городов, а потребность в них была в десять раз больше²².

Как говорилось выше, судьбам крестьянства Берзевици посвятил целую книгу. Ее основные положения автор в 1809 г. изложил

Наполеону. Крестьянин лишен собственности, у него нет гражданских прав, нет личной свободы. Никто не представляет его интересы ни на местном, ни на государственном уровне, к чиновничьим должностям путь для него закрыт, вздумай он подать в суд на помещика (или тот на него), судьей всегда выступает сам помещик. И в то же время, по действующим законам, крестьянин платит чудовищные, несправедливо высокие налоги. Государству, церкви, помещику, комитату. Ко всему прочему, дворянское сословие переложило на него изначально закрепленную за дворянством воинскую повинность.

Что касается правительства, оно считает в порядке вещей, когда нация участвует в законодательной деятельности. Вот только к нации в Венгрии принадлежит исключительно дворянство. Государственные собрания не справляются со своими обязанностями потому, что плохо работают руководимые дворянством и представляющие исключительно дворянские интересы комитаты. В судебной системе царят произвол и варварство. Религиозный вопрос Берзевицы прямо называет раковой опухолью. Эта худо-бедно живая еще страна, превратившаяся после освобождения от османского владычества в австрийскую колонию, не может, и не могла никогда, развить заложенные в ней силы и возможности.

Нация, состоящая из народностей, конфессий, сословий и классов, если учесть, что ей не ведом патриотизм, суть которого в отказе от эгоистических интересов, не способна помочь самой себе. Именно по этой причине, полагает Берзевицы, венграм нужен Наполеон. Нужна диктатура сверху, о которой он уже писал годами ранее. Что касается неотложных мер, свои предложения автор суммировал в 75 пунктах. Вот некоторые из них.

Пришло время забыть о сословной «конституции». Следует избрать себе новую конституцию, законы и декреты, и каждые четверть века пересматривать общественное устройство. Дворянство останется, но не в своей прежней форме: пусть платит налоги, не имеет привилегий перед законом, служит в армии, как все! Пусть священник станет чиновником на жаловании! Пусть все должности будут открыты перед выходцами из мещанского сословия! Что касается крестьянства: оно превращается в (земельного) собственника, отменяются церковная десятина и девятина (налог в пользу помещика), землевладельцы теряют право судить зависимых людей, те же освобождаются

от феодальных повинностей, получают право занимать государственные должности и начинают платить налоги, как дворяне и мещане! Берзевици хотел открыть крестьянам доступ в политику на местном и национальном уровне, правда, не разъяснял как. Далее, следовало уничтожить все препоны в торговле и промышленности, гарантировать свободу вероисповедания. Исполнительная власть должна быть отделена от судебной. В гражданско-правовой сфере следовало с некоторыми изменениями ввести Кодекс Наполеона.

Берзевици верил, что большинство населения страны перейдет на сторону Наполеона, и потомки благословят перемены, которые — будь они претворены в жизнь — коренным образом изменили бы Венгрию, ибо покончили бы с феодальным порядком. Здесь он ошибался: не только страна в целом, но и малая часть населения не встала на сторону французского императора. Берзевици остался в одиночестве. Другие не только не сформулировали никаких концепций, но даже в спонтанных своих высказываниях не связывали будущее венгров с Наполеоном. Если и имело место нечто подобное, то лишь от отчаяния или в полемическом запале.

Удачный пример тому встречается в дневнике молодого Иштвана Хорвата*. В 1805 г. он еще считал французов никчемной, похотливой нацией кривляк и пересмешников. Когда Венгрия впервые попала в поле зрения Наполеона, в дневнике появилась запись о «тяжелых временах». Впрочем, в том же году Хорват саркастически отзывался об императоре Франце, династии и палатине Иосифе, который — в расчете на помощь венгров — на Государственном собрании поминал свое родство с Арпадами**. В 1807 г. Хорват уже рассуждает о достоинствах Наполеона. В начале 1809 г. высказывает соображение: если Бонапарт нападет на Венгрию, то, учитывая, как мало дворянской крови осталось в жилах нации, страну спасет только второй Арпад. Спустя еще полгода (1 июля) записал: «К чему нам страдать тогда, когда враг борется не с нами, но с правящей династией? Нужно

* Хорват Иштван (1784–1846) — историк, лингвист. Дневник, который он вел с 1805 по 1809 г., служит ценным источником о событиях в сфере политики, общественной жизни, науки.

** Арпад (850/855–907) — предводитель венгерских племен, правитель Венгрии (889–907 гг.) дал свое имя княжеской (с 1001 г. — королевской) династии, правившей Венгрией до 1301 г. — (Прим. перев.)

воспользоваться моментом для освобождения, а не тянуть время». Когда до Хорвата стали доходить вести об актах насилия, чинимых французами, он высказал надежду, что жертвами пали те, кто раньше без разрешения французов пальцем не смели пошевелить. Пришествия второго Арпада не случилось. Венгерское сердце преисполнилось тоской, «и, видя собственное бездействие, уже скорее от врага ожидает помощи, что не вполне пристало свободной нации, каковой нам надлежит оставаться». Неделью спустя вместе с другом Бенедекком Вирагом* автор дневника пришел к выводу: будет хорошо, если Венгрия получит независимость от Австрии. А через пару дней: «Хорошо бы, чтоб послали делегацию к Наполеону и попросили дать нам короля [...] А то с австрийцами никогда не видать нам счастья»²³.

Образ императора

Лишь немногие в думах о судьбе родной страны рассчитывали на помощь французской армии. Зато добрых слов о французском императоре расточалось предостаточно. Современники постоянно обсуждали публичные речи и письма Наполеона. Часто вели речь о нем как о политике и человеке. Если кому-то доводилось встретиться с Бонапартом лично — это было великое событие. Попавшего в плен Иштвана Дежёфи император пригласил к своему столу. Впоследствии граф писал Казинци: он уже начал полнеть, ростом невысок, но «крепко сложен», одет всегда опрятно, «в облике его чувствуется суровость без всякой надменности». Супругу свою**, которая нехороша собой, он любит, и она платит ему взаимностью²⁴. Осенью 1806 г. писателю Габору Дёбрентеи (1785–1851) посчастливилось собственными глазами лицезреть императора. «Хоть я и венгр, при виде его я возрадовался», — писал он²⁵. Личность Наполеона была окружена мифами. Думали, что он симпатизирует венграм. Якобы после первого большого унижения Австрийской империи французам из Венгрии в качестве репарации направили продовольствие. Вообще, для солдат Великой армии было в порядке вещей — если видели хороших лошадей — недолго думая

* Вираг Беденек (1754–1830) — член монашеского ордена паулинов, учитель, поэт.

** Речь идет о Жозефине Богарне (1763–1814) — в 1804–1809 гг. первой жене Наполеона. — (Прим. перев.)

распрягать и забирать с собой. Зато, когда доводилось узнать, что перед ними венгры, немедленно возвращали лошадей. Поговаривали, что Бонапарт потому не присоединил Фиуме к своей империи, что «наш государь сказал, мол, это Венгерское королевство. И Наполеон немедленно отказался»²⁶.

Мало кого могла оставить равнодушным история, которую осенью 1807 г. описал в своих письмах Ф. Казинци. Там говорилось, что прусский генерал князь Франц Людвиг Хацфельд (1756–1827) при приближении Наполеона сдал Берлин неприятелю, при этом продолжил писать своему королю донесения о передвижениях французской армии. Одна из реляций была перехвачена, и, что неудивительно, генерала приговорили к смертной казни. Беременная дочь (по другим источникам — супруга) князя обратилась к Бонапарту. Она упала перед ним на колени. «Горел шандал. “Мадам, — спросил Наполеон, — знакомо ли Вам это послание?” — И протянул его даме. — “Ах, это рука моего отца!” — “Пока существует это письмо, жизнь вашего отца в опасности”. Женщина или не поняла его слов, или не смела их понять. — “Говорю вам, мадам, — повторил император, — пока существует это письмо, не видать ему свободы”. Женщина с письмом в руках повернулась к огню. Наполеон не сдвинулся с места. Бумага сгорела. “*À présent il est sauvé!*”^{*}, — произнес Наполеон с французским аттицизмом, за которым скрывалось облегчение»²⁷.

Впрочем, популярность императора росла не только по мере распространения подобных историй. Казинци еще в 1805 г. называл его спасителем Франции, который дал «религию и мораль» этому «фривольному народу», спас от анархии, воследовавшей после революционного террора²⁸. В ответном письме Йозеф Сентдёрди (1765–1832) не стал развивать тему, но счел нужным заметить: он уважает императора за то, за что можно уважать, и знает, что тот — орудие в руках Господа»²⁹. Другому своему корреспонденту — Фаркашу Черей** — Казинци писал, что чтит Наполеона и как хорошего человека, и как бич божий, видит в нем столь великую личность, какой еще не было в истории³⁰. Черей же полагал: если придется выбирать,

* «Теперь он спасен» (фр.).

** Черей Фаркаш (1773–1842) — офицер, ботаник, литератор, один из самых преданных корреспондентов Ф. Казинци в Трансильвании.

жертвой кого падет страна, то он предпочел бы того, кто благороден и не забыл еще, что значит доблесть, чью шею не натерли еще тяжкие оковы бесславного рабства». Поскольку александровскую Россию и русских он считал «варварами», можно с большой долей вероятности утверждать, что речь шла о наполеоновской Франции. Янош Киш* тоже был убежден в величии Наполеона. «Ты чуть ли не слово в слово описал, что я думаю и чувствую», — отвечал он Казинци. «Совершенно с тобой согласен, что Б[онапарт] даже среди тысячи великих мужей останется в веках великим человеком. Трудно отрицать, что по его вине проливаются реки крови и число обездоленных им не поддается воображению; может статься, что он будет крушить старый порядок, пока не погребет под его обломками нас всех. Но если я верю в Провидение, мне следует также верить, что его руками вершатся великие дела»³¹.

Число заявлений, в которых выражалась симпатия французскому императору, можно множить. Но повторюсь, что все они относились к личности Наполеона. В них нередко высказывалось смешанное со страхом восхищение его нечеловеческими, взбудоражившими Европу деяниями. Но, как правило, все они не выходили за рамки частной переписки или дружеской беседы. Официальная Венгрия боялась Наполеона.

На страже древних прав

Уже в начале 1809 г. журнал «*Hazai 's Külföldi Tudósítások*» («Отечественные и зарубежные известия») сообщал о том, что дворяне, мещане, крестьяне готовятся встать на защиту отечества, и во всех комитатах в разгаре снаряжение дворянского ополчения. В номере от 27 мая находим заметку, что дворянское войско выступило из Секешфехервара, и читаем выдержки из речи, произнесенной главным нотарием: «Бойцы! На нас вновь напала Франция. В опасности независимость нашего Отечества и сохранение наших древних свобод. И то и другое Родина доверила защищать вам. К этому вас, бойцы,

* Киш Янош (1770–1846) — происходивший из зависимых крестьян и обучавшийся в немецких университетах поэт, переводчик, лютеранский священник, впоследствии — суперинтендант.

призывают манифесты о созыве ополчения нашего милостивого монарха и нашего господина палатина. К этому обязывают вас верность государю, наши древние законы и наша честь. Покажите же, что та свобода, которую наши предки добыли кровью, вы в состоянии кровью же защитить. Ваши мужественная решимость, пренебрежение опасностями, повиновение опытным военачальникам, которым мы васверяем, строгое исполнение их приказов сделают вас непобедимыми. Помните о том, что это последнее испытание: либо сгинет наш надменный враг, либо погибнет наша процветающая конституция. Судьба нашей великой нации зависит от вашей отваги. Погибнуть или победить! Смело же идите туда, куда вас влечет долг и честь. Будьте упорны в опасности, верны государю и Отчизне, послушны командирам. В знак нашей в вас уверенности и в напоминание о вашем долге вручаем вам от имени почтенного дворянского комитета наше знамя. Дай-то наш венгерский Бог, чтобы этот стяг вы вернули нам, увенчанные венками из лавровых листьев, а мы встретили вас прославляющими победу стихами». Несколько слов произнес и глава комитета о том, что судьбы отечества, государя и всей Европы теперь в руках венгерского ополчения³².

Многих завораживала цена вопроса. Поэма Шандора Кишфалуди* «Патриотическое обращение к венгерскому дворянству» преисполнена пафоса. Автор поет гимн дворянскому сообществу, даже подсчитал все его славные деяния со времен Иштвана Святого (1001–1038 гг.) до современности. Ему хотелось верить, что венгерское дворянство преобразится, даст ответ на вызовы эпохи и венгерский дух воспарит до высот, которых достиг английский гений. Но в данный момент привилегированному сословию следует проявить мужество. «Так проснемся же! оживимся! задумаемся! возбудимся! поднимемся! — Так будем же мы готовы ко всему!» Созыв дворянского ополчения был, по мнению Кишфалуди, мудрым шагом: «Кому как не дворянину защищать отечество, короля и конституцию, если по конституции он в своей стране имеет все, что только можно, а без нее лишится всего, что человеку на земле только может быть желанно, дорого, славно и мило». Полным умиления голосом призывал он:

* Кишфалуди Шандор (1772–1844) — поэт, драматург, офицер, в ополчении 1809 г. флигель-адъютант палатина Иосифа.

не допустим, чтобы над замком Матяша* развивалось вражеское знамя, чтобы народ Арпада склонил голову перед иноземной властью³³.

Кишфалуди не был одинок в своей эйфории. Чувства переполняли Ф. Черей, который прежде причислял себя к сторонникам французов. Однако в начале 1809 г. он переслал Ф. Казинци свою прочувствованную речь против Наполеона, произнесенную на одном из комитатских собраний. Текст ее, к сожалению, не сохранился, зато известно, что сказал о ней писатель. Он подтвердил, что и ему не хотелось бы, чтобы Венгрия вступала в какие-либо отношения с Наполеоном, но подчеркнул: «Ведя речь о неприятеле, не следует внушать нам такие вещи, которые противоречат фактам». Он также полагал, что проникновенная речь Черей — дешевый риторический прием, призванный добавить славы оратору и дворянским ополченцам³⁴, и посоветовал не злоупотреблять гиперболами. Остерегался крайностей и другой его именитый корреспондент, граф Йозеф Дежёфи**, которого раздражал патриотический бум. Г. Берзевици тоже с недоумением взирал на происходящее. В ноябре 1809 г. он работал над сочинением, в котором анализировал венгеро-австрийские отношения. По его мнению, в тот момент от ополчения и от того, какую позицию займет Венгрия, зависели не судьбы отечества, государя и Европы, но судьба самого дворянства. Рассмотрим, как ему в сочинении «Венгрия в период последней австро-французской войны 1809 года» виделись Венгрия, Австрия и Франция³⁵.

В первых строках Берзевици заявлял: стародавний феодальный аристократизм ни в одной стране Европы не проявляется в такой полноте, как в Венгрии. Только в Венгрии и Турции упрямо цепляются за прошлое, в то время как все прочие государства Европы так или иначе обновляются. Между тем, и в Венгрии, и в Турции прошлому привержена не нация, но лишь те, кто находится у власти, кто под маской патриотизма преследует исключительно собственные интересы,

* Матяш Корвин (1443–1490) — венгерский король (1458–1490 гг.), сын полководца Яноша Хуняди (1387–1456). Успешно оборонял королевство от османов, увеличил его территорию за счет Чехии и Австрии, укрепил центральную власть, покровительствовал наукам и искусствам. Остался в исторической памяти как идеальный государь. — (Прим. перев.)

** Дежёфи Йозеф, граф (1771–1843) — поэт, публицист, видный политический деятель, депутат ряда Государственных собраний.

и скорее смирится с гибелью всей страны, чем пожертвует какой-нибудь из своих привилегий ради общего блага. Такое коварство, которое сам Берзевици называет феодальным аристократизмом, мешает Венгрии пойти по пути обновления. Его сторонники, а в их рядах, в том числе, находятся всевластные клирики, с такой же ненавистью боролись с реформами Иосифа II, какую ныне обращают против французского порядка, таящего в себе угрозу общественных перемен. За враждебностью подавляющего большинства венгерской политической элиты к Франции и Наполеону стоит не преданность отечеству, а неприкрытый личный интерес, стремление защитить феодальный строй. Им выгодно, чтобы вспыхнула ненависть, чтобы готовился поход против Наполеона и французского порядка. Они называют Бонапарта не иначе, как удачливым разбойником, с кем нет нужды уважать договоренности, не обязательно признавать записанные в мирных договорах приобретения. Именно они распускали по всей стране панические слухи и пересказывали всяческие небылицы.

Например, утверждалось, что в Париже ежедневно без следа пропадает по 20–30 тыс. человек. Тех, кто возбуждает в Наполеоне малейшее подозрение, ночью хватают и бросают в башню. Там под ними пол разверзается, и они падают в бездну, со дна которой торчат косы, копья, мечи. Посему — надеялись распространители подобных «новостей» — вся Франция только и ждет сигнала от Австрии, чтобы восстать и покончить с тираном и его приспешниками. Тогда уже вся Европа встанет на сторону Австрии, да и сама французская армия настолько устала уже от кровопролития, что готова сдаться. Подстрекательства звучали и в храмах: трудно себе представить, какие несуразицы внушали священники пастве. Клир призывал ни больше ни меньше, как к крестовому походу. Епископы молились об окончательной гибели Франции и ее правителей. Берзевици описывает, как собственными ушами слышал проповедь одного священника, объяснявшего успехи Наполеона договором с Вельзевулом. Тот направил во французскую армию столько чертей, сколько святых есть у католической церкви. Но договор скоро истечет, и тогда черти уволкут Бонапарта с его сторонниками на самое дно ада. Поэтому нужно мужественно с ним сражаться, не бояться поражений, ведь в конце ждет венец победителя. Если неприятель вторгнется в страну, мужчинам и женщинам, мальчикам и девочкам нужно братья за топоры,

лопаты, вилы, чтобы отразить ими злейшего из врагов, пока не придет момент и не достигнет его кара небесная и пр.

Наряду с паническими слухами широкое хождение имели истории, которые невозможно было проверить; цель была исключительно одна — пробудить ненависть к Наполеону. Говорили, например, что австрийскому правительству из достоверного источника известно, что как только Бонапарт покончит с Испанией, тут же нападет на Австрию. Происходящее вокруг не оставляло сомнений, что у монархии отнимут морское побережье и Галицию. Сообщалось, что в конце сентября 1808 г. Наполеон уговорил русского царя Александра разделить Габсбургские владения. Однако потом этому воспротивился российский сенат, и было решено поддержать Австрию. Если же царь не порвет с Наполеоном, то его ждет та же судьба, что и его отца в 1801 г. Поговаривали о том, что французский император уже поделил Австрийскую империю между своими генералами. Впрочем, приходили и «хорошие новости». Например, что во Франции разразился бунт. Восстала Германия, пожелавшая присоединиться к Австрии, и в Италии тоже наблюдаются волнения. Приходили и такие вести, что австрийские союзники — русские части в Галиции — приведены в движение и в Верхней Венгрии (на северо-востоке королевства) для них уже готовят квартиры. В отсутствие достоверной информации общественность прибывала в полнейшем неведении, — подводил итог Берзевици.

Если Венгрия выступит против Наполеона, полагал автор, в этом следует искать не героизм потомков Арпада, но панический страх привилегированных слоев, что они могут лишиться своего исключительного положения. Анализируя майский манифест 1809 г., он отмечает: французы явно рассчитывали на то, что сумеют привлечь на свою сторону правящие круги. Вскоре, впрочем, выяснилось, что желаемого эффекта добиться не удастся, и это мало удивляло Берзевици. Стоящие у власти в Венгрии помещики так искренне ненавидели Францию, что были не в состоянии трезво оценить ситуацию. Они знали, что наполеоновский порядок подразумевает уничтожение привилегий, этим и объяснялась их враждебность.

Справедливости ради, нужно признать, что к Наполеону автор относился критически. По его мнению, император искал поддержки только у привилегированных сословий, желая использовать их

против Австрии. Народам же он не предложил ничего. Если бы он захотел повысить свое влияние в Венгрии, оно, несомненно, возросло бы, когда бы он хоть что-то предложил простому народу — крестьянам и простым горожанам. Обратился бы к ним с понятными им словами. Следовало бы пообещать свободу вероисповедания, денежную реформу, отмену десятины и девятины, облегчение гужевой и соляной повинностей, торговые и промышленные свободы. Это возымело бы действие.

Итак, для Берзевицы картина ясна. Венгерская аристократия, клир и дворянство, не думающие о социальных низах, в страхе потерять свои привилегии теснее сплотили ряды против Наполеона, который в своих политических расчетах столь же мало пекся о простом народе. Это резкое и несколько упрощенное мнение разделяли многие. Тот же И. Хорват, который полагал, что помещики куда больше боялись своих крестьян, чем неприятеля. Дневниковая запись от 1 июля 1809 г. гласила: «Теперь наши господа спешат из деревень в города, и если спросить, что погнало их в путь, в ответ пробормочут что-то о страхе перед крестьянами»³⁶. Трансильванский граф Элек Бетлен* смело смотрел правде в глаза, когда записал в дневнике: дворянству жизненно необходимо сохранить связь с Австрией. Он осуждал Государственное собрание княжества, чинившее препятствия на пути снаряжения дворянского ополчения. «Что за демон вселился в этих недалеких людей, зовущих себя патриотами, что всякий раз в публичных собраниях подвергают несправедливой критике политику двора, тем самым отвращая от нас сердце государя; сейчас, когда даже те из дворян, кто имеет лишь номинальный титул и вынужден платить высокий налог, по всей провинции жертвуют кровь и последние деньги, эти господа кичатся исполнением долга чуть ли не как благодеянием». Далее граф весьма витиевато, но вполне откровенно излагает свои страхи, которые, если несколько упростить, заключались в следующем. Коли победа достанется французам, последует отмена дворянских привилегий. Придется платить налог, все имущество дворян или его часть достанется крестьянам, а сыновья, призванные в армию, отправятся проливать кровь где-нибудь в Испании. Если же

* Бетлен Элек, граф (1777–1841) — в 1809–1810 гг. адъютант командующего трансильванским ополчением.

воцарится мир, император-король в справедливом гневе проведет военную реформу. И это будет, скажем прямо, не в пользу дворянства³⁷.

Позиция Берзевици, с которой, так или иначе, солидарны И. Хорват и Э. Бетлен — что враждебное народу, консервативное дворянство во имя защиты своих привилегий бросилось в объятия венского двора — в период социализма взяла на вооружение официальная историческая наука. Однако кто бы ни высказывал противоположную точку зрения, что героический народ Арпада встал на защиту своей древней свободы перед лицом иноземного врага — это тоже было упрощением. И те и другие ошибались.

Лицом к лицу с действительностью

Повторимся: постановления венгерских Государственных собраний однозначно свидетельствуют, что с самого начала, с 1792 г. (когда революционная Франция пошла войной на императора Франца II) они считали Францию — и «революционную» и «наполеоновскую» — врагом и не останавливались перед предоставлением любой помощи — налоги, субсидии, дворянское ополчение. Хотя отношения между венграми и династией были напряженными, в особенности из-за суда и казни в 1795 г. венгерских якобинцев, но монархия по-прежнему сохраняла жизнеспособность. После насыщенного событиями царствования Иосифа II, в начале 1790-х годов, конституционный порядок был восстановлен. Венгрией снова правили короли, издававшие коронационные грамоты, венчавшие чело короной и приносившие коронационную клятву. Никто не ставил под сомнение порядок и условия наследования, прописанные в венгерском издании Прагматической санкции (ст. 1–2/1723). Непреложную норму, что страной будут управлять только по ее собственным законам, в очередной раз гарантировала ст. 10/1790. Согласно ст. 12/1791, законодательная власть была разделена между королем и сословиями, представленными на Государственном собрании, и управлять страной путем издания декретов запрещалось. Далее, пусть под давлением обстоятельств, из-за растущей необходимости покрытия военных расходов, но на рубеже веков регулярно, практически каждые предписанные законом три года, монарх созывал Государственные собрания. Несмотря на неизбежные конфликты, не наблюдалось признаков того,

что Венгрия хотела бы отделиться от западной половины Австрийской империи.

Краеугольным камнем французской внешней политики, как ее недвусмысленно сформулировал Талейран, было, напомним, ослабление, а не уничтожение Габсбургской монархии. Поэтому важно еще раз подчеркнуть, что Наполеон в 1809 г. не помышлял о независимой Венгрии, и возможный положительный ответ на манифест привел бы его в замешательство. Читатели венгерских газет могли не знать деталей переписки Талейрана с Наполеоном, но они имели некоторое представление о принципах французской (внешней) политики. Достаточно было внимательно следить за развитием событий. Пример соседней Польши говорил о том, что создавая Герцогство Варшавское, Наполеон скорее подавал сигнал России, Пруссии и Австрии (ослаблял державы, некогда поделившие Речь Посполитую), чем восстанавливал польскую государственность. Йозеф Чехи, искренне симпатизировавший французам, в 1807 г. писал Казинци с места событий, что полякам возвращают конституцию. Но не всем, а только их части³⁸. И даже эта конституция была октроированной (Чехи не используют этого термина, но речь идет именно об этом). Год спустя, по случаю введения Кодекса Наполеона и отмены крепостного права, он сделал наблюдение: крестьяне не хотят свободы, а чтобы новый свод законов действительно применялся, должно вырасти целое поколение. Он также рассказал, что французские оккупанты не собираются уходить и с нескрываемым высокомерием относятся к не желающим свободы (то есть конституции) «голодранцам»³⁹.

И Рейнский союз (1806), и Герцогство Варшавское были эпизодами властно-политической шахматной партии: на престолы во вновь создаваемых государствах Наполеон сажал своих родственников или любимых полководцев. Особо живую реакцию вызвали в Венгрии события в далекой Испании — свержение Бурбонов, коронация Жозефа Бонапарта и последовавшее затем восстание. В одном из писем Ф. Казинци признавался, что — узнав об отречении испанских Бурбонов — провел ночь без сна, ожидая еще более страшных последствий. Конечно, территорию Испании не поделили, как в 1772 г. Польшу, но не печально ли, когда против воли народа одного короля свергают, а другой вступает на престол. «Убереги, Господи, от этого моих потомков, пусть даже в тысячном колене!» — говорится в одном из писем

периода испанского восстания⁴⁰. Эти слова в июне 1808 г. писал тот самый Казинци, который чуть раньше пересказывал трогательные истории о том самом Наполеоне. Однако автора не следует упрекать в непоследовательности. Признавая величие Бонапарта, он не был уверен, что Венгрия не превратится в игрушку в руках воинственной Франции. Европейские страны уже испытали это на себе. Суть сомнений, которыми в те дни мучились многие, и не только в Венгрии, позднее несколько вычурно (уподобив Наполеона Дунаю) выразит граф Й. Дежёфи: «Можно любить, восхищаться, как величественно катит Дунай свои пенные волны, но нет необходимости аплодировать его гибельным разливам»⁴¹.

О том, что восхищение имеет свои границы, говорил знаменитый росчерк пера: поклонник первого консула Людвиг ван Бетховен (1770–1827) снял посвящение «Героической» симфонии Наполеону, когда тот собственноручно короновался императорской короной. Ряд тревожных сигналов говорил, что он потерял чувство меры, и верить обещаниям французов рискованно. На предложение Бонапарта — создать для венгров национальное королевство — можно было ответить отказом не только из страха или принципа (опасаясь, что последовательный экспортер революции потребует отказаться от древних свобод), но в силу доводов практического свойства. Например, потому что Венгрия не хочет отделяться от Австрии. Впрочем, вежливый отказ был уместен даже в случае, если предположить, что страна действительно стремилась к независимости. Об этом в своем дневнике довольно образно пишет дёрский каноник Лёринц Хоэнэгер (1782–1842). Осадивший город генерал Луи де Нарбонн (1755–1813) созвал мещанство и, произнеся речь на латыни (которую присутствующие не очень поняли), вручил им манифест. Автор дневника называет документ «уродливой провокацией», неплохо написанной, но ужасной по содержанию. В нем шла речь о мятеже и разрыве с «нашим дорогим королем». Собравшиеся не на шутку разволновались, и хотя до открытого выражения недовольства дело не дошло, по их лицам генерал понял, что они останутся дома и не пойдут на Ракошское поле выбирать себе короля, который, пишет каноник, стал бы «игрушечным королем», «французской креатурой»⁴² и не мог дать гарантий независимости страны.

Бурлящая страна

Вдохновленные примером героических предков, или из страха за свои привилегии, или глядя на вещи трезво, по соображениям практического порядка — венгры пошли против Наполеона. Событием, символически ознаменовавшим этот поворот, стала битва при Дёре 14 июня 1809 г., когда австрийские войска (а в их рядах — венгерское ополчение) под командованием эрцгерцога Иоганна (1782–1859) потерпели поражение. Ополченцы бежали без оглядки. Известно, что решающую роль в столь плачевном выступлении и без того устаревшего ополчения сыграли просчеты в военном руководстве и организации. Сведения взяты из дневника палатина Иосифа. Он сделал все, чтобы снять вину за поражение с венгерских ополченцев (даже поручил Ш. Кишфалуди написать апологетическое сочинение⁴³). Между прочим, историческая наука уже давно их реабилитировала. Авторитетные работы единогласно и с полным основанием возлагают ответственность в первую очередь на австрийское военное руководство и конкретно — на эрцгерцога Иоганна.

И все-таки битва при Дёре вошла в историю как позор венгерского дворянства. Спустя пару недель граф Й. Дежёфи писал: «Нужно ли помнить день, когда произошло это несчастное сражение при Дёре? Пусть канут в Лету беглецы со всей мерзостью своего поступка, пусть живут только те, кого смерть спасла от позорного бегства»⁴⁴. Благодаря Шандору Петёфи (1823–1849), которого с полным правом можно назвать «венгерским Пушкиным», Дёр стал проклятием венгерского дворянства. Строки стихотворения «От имени народа» (1847), где говорится о «дёрском геройстве»*, понятны всем даже в современной Венгрии. Дворянство получило «по заслугам» не только от потомков, но и из уст современных критиков, в том числе от товарищей по словию. Досталось не только (без вины) за «дёрское геройство», но в этой связи или под этим предлогом дворян обвиняли во всех грехах, прошлого и настоящего. В то время как на большей части Европы привилегированные сословия так или иначе давно платили налоги,

* Л.Н. Мартынов перевел эти строки так: «Но разве можно спрашивать... Простите! / Геройство ваше, дёрские события / Забыл! Пора бы памятник поставить, / Чтоб Дёр, позор и бегство славить». — (Прим. перев.)

в Венгрии продолжала действовать статья закона 1741 г., согласно которой они обладают настолько прочным налоговым иммунитетом, что ставить его под вопрос не имеет право даже Государственное собрание.

В годы Наполеоновских войн Государственные собрания постоянно напоминали об этой привилегии. «Первейшая собственность дворянства [...] заключается в том, что они ни под каким видом не должны принуждаться к уплате налогов»⁴⁵, — звучало в стенах сословно-представительного собрания в 1807 г. Или: «Закон един для всех [...] и любой дворянин освобожден от уплаты любых налогов»⁴⁶. Далее: «Подлинной гордостью венгерского дворянства является то, что ни при каких условиях его нельзя заставить платить налоги»⁴⁷. Дворянство «ни прямо, ни косвенно налогообложению не подлежит»⁴⁸. Наконец: «Обязанность участвовать в ополчении неотъемлема от дворянской свободы — не платить никакие налоги»⁴⁹. Значит, обязательство защищать отечество легитимирует привилегии. Что ж, уже в 1809 г. ополченцы бежали из-под Дёра.

«Дёрское геройство» многих заставило задуматься о — назовем это несколько претенциозно — национально-характерологических проблемах. Дворянство, столь кичащееся своим прошлым и настоящим, да и венгры в целом многим показались слишком мелкими. И Дёр был только началом. Просто одним поражением от самой сильной армии на свете. Независимо от исхода и сути поражения Венгрия и Австрия до того момента последовательно боролись с революционной, потом — наполеоновской Францией. Поражения на поле боя — а их было предостаточно и у Австрии и у Венгрии — не ставили под вопрос суть этой линии.

Но после 1809 г. Австрия и Венгрия долгое время просто дрейфовали в потоке событий. Пункты позорного Шёнбруннского мира в октябре 1809 г. были продиктованы лично Наполеоном. Затем в апреле 1810 г. он взял в жены Марию Луизу (1791–1847) — дочь униженного императора Франца, который, благодаря Бонапарту, был теперь «просто» австрийским императором. Время между двумя этими событиями протекло бесславно, об этих месяцах выдающийся венгерский либеральный историк Х. Марцали (1856–1940) писал: «С тех пор как король Матяш вступил в Вену, династия не испытывала такого унижения. Территория монархии, существенно урезанная, оставалась

открытой для вражеского вторжения, армия была в принципе не способна победить французов, кредит оказался полностью исчерпан. Последнему императору Священной Римской империи пришлось отдать свою дочь в жены душеителю французской революции — адвокатскому сыну из Аяччо. Этот брак, заключенный 2 апреля 1810 г., сулил — пусть на короткое время — стабильность, и весть о нем была с радостью встречена в Венгрии»⁵⁰.

В 1812 г., когда враг уже стал союзником, австрийские и венгерские части в составе Великой армии отправились в поход против Российской империи. Затем в августе 1813 г., спустя несколько месяцев после разделенного с французами поражения, Австрия, а с ней и Венгрия, уже вновь числились в организованной против Наполеона коалиции и в этом качестве в октябре 1813 г. участвовали в «Битве народов» под Лейпцигом. То было время, настолько насыщенное событиями, что их порой трудно отследить. В 1809 г. Наполеон был врагом, в 1810 г. стал союзником. Еще в 1809 г. Бонапарт наносил сокрушительные удары по монархии, в 1812 г. монархия разделила с ним поражение в России. В 1813 г. миропорядок вернулся на круги своя: французский император вновь стал врагом.

Договоренности и распри

Как ни трудно было следить за ходом событий, но тот, кто выходил победителем, всякий раз мог рассчитывать на горячих сторонников. Нередко из числа тех, кто еще недавно числился в рядах его врагов. Й. Чехи в канун русского похода провозглашал, что венгерским солдатам не терпится тронуться в путь. Их сердца и души — едины в своем порыве. А кто чувствует по-другому — тот не венгр. Выходит, Чехи отказывал в праве называться венграми тем, кто хорошо помнил события недавнего прошлого, когда Наполеон еще был врагом. Тем, кто считал позором для Австрии — «дать Бонапарту воинские соединения и поневоле сражаться на его стороне». «Глупец тот, кто не хочет видеть, что самому его существованию грозит макиавеллизм москвитов», — грозно восклицал автор письма. К тем, кто «не венгр», не зазорно было разжигать неприязнь. И Чехи так и делал: эти люди говорят, что «император призвал сюда венгерские полки, чтобы вместе с немцами уничтожить венгерскую конституцию. Наше национальное

бытие нам придется защищать в песках Сарматии. Вот чего они боятся. Кто бросает обвинения нашему милостивому отцу, нашему августейшему Францу, если не враги Отечества?»⁵¹

Ф. Казинци спустя несколько недель после трагедии, постигшей Великую армию в России, писал Й. Дежёфи, что в Вене, по его сведениям, все думают «*gut russisch*»*. «Мои венгерские друзья рассказывали, — говорилось в письме, — как одного венгра, который в кафе в Леопольдштаде** “громко выражался в адрес нашего господина зятя”, вызвали в полицию и сделали порицание». Правда, в то время упомянутый «господин зять», то есть Наполеон, был еще союзником Австрии. Но ветер переменился не только в Вене. Далее автор письма упоминал некоего Яноша Сентеша, который называл Бонапарта «проходимцем из проходимцев». Казинци возразил: Наполеон — «зять нашего государя и союзник», но Сентеш парировал: такой штимунг*** — это работа министерства⁵².

Й. Дежёфи с его образным мышлением — возвышаясь над повседневной суетой и приходя в ужас от бесхребетности нации — в конце 1809 г. рассуждал: накануне войны венгерские дворяне со своими рангами и титулами смотрели на французов как на карликов. Затем, потерпев поражение, разглядели в них чуть ли не героя венгерского рыцарского эпоса — великана Миклоша Толди. Когда было подписано перемирие, венгры вновь почувствовали себя исполинами на фоне пигмеев⁵³. Во время кампании 1812 г. он даже написал стихотворение о способности подстраиваться к меняющимся обстоятельствам. В нем говорилось, что в Венгрии слова доброго нельзя было сказать о Наполеоне, который потом стал союзником австрийского императора. Теперь, чтобы казаться большим патриотом, нужно как можно громче прославлять Бонапарта. Но если он потерпит поражение, не исключено, что вместе венгры заключат против него союз со своим нынешним врагом — русскими⁵⁴. Слова Дежёфи оказались провидческими. Уже весной 1813 г. Австрия денонсировала союзный договор с Францией, а в августе числилась в антинаполеоновской коалиции.

* «Хорошо по-русски» (нем.) — (Прим. перев.)

** Леопольдштадт — название пригорода (ныне — квартала) Вены. — (Прим. перев.)

*** *Stimmung* (нем.) — настроение. — (Прим. перев.)

Образ Наполеона, как его разобрали в национальной характеристике Казинци и Дежёфи, может служить примером того, что отношение к французскому императору определялось мировоззрением. Казинци был и остался сторонником Наполеона (и восторженным поклонником Франции). Конечно, не без некоторых оговорок. Его пугал чрезмерный рост империи, он опасался, что Бонапарт коронуется короной Священной Римской империи и тем самым реанимирует державу Карла Великого, и все-таки считал: в этой империи (как и в ее правителе) соединяются, по крайней мере, физическая сила и нравственное величие. Так он рассуждал в конце 1812 г., после провала русского похода⁵⁵. Весной 1813 г. Казинци заявлял, что у французского народа нет большего благодетеля, чем Наполеон, достаточно сравнить положение французов тогда и сейчас. «Что со временем станет с Европой, если Наполеон падет?» — задавался он риторическим вопросом⁵⁶. Поэт не изменил своего мнения и после того как император был свергнут. Даже находил оправдания его деспотизму. «Я размышлял, почему он ставил себя выше законов. Думаю, потому что ему казалось: отечество находится в столь плачевном состоянии, как в свое время древний Рим, когда ему требовался диктатор. Если бы Бонапарту удалось осуществить задуманное, он отказался бы от завоеваний»⁵⁷. В другом письме, написанном несколько дней спустя, он уже сравнивал Наполеона с эповым раненым львом, пнуть которого может даже осел. Желал долгих лет жизни этому выдающемуся человеку⁵⁸. Пару дней спустя: «Когда же родится на свет другой такой исполин, как он?»⁵⁹

В отличие от своих друзей, Й. Дежёфи никогда не был сторонником Наполеона. Думал, что рано или поздно французский народ тоже в нем разочаруется. Платой за славу и справедливое внутреннее устройство был деспотизм. Признавал правоту аббата Эммануэль-Жозефа Сийеса (1748–1836), когда тот по случаю коронации Наполеона заметил: «*Ce n'est pas cela ce que le peuple Français a demandé*»*. Дежёфи хотел бы, чтобы Франция и далее оставалась самой мощной державой Европы, «но в силу таланта своего народа, а не господствовала бы над Европой [...] не основывала свою славу на унижении других народов, а свое процветание на их увядании,

* «Это не то, что нужно французскому народу» (фр.) — (Прим. перев.)

чтобы не вмешивала континент в свои распри с Англией». Пусть не преследует за принципы свободы, право беспрепятственно выражать мысли. Нужно «действовать так, как желало бы себе большинство французов, хорошо чувствуя насильственную и противоестественную природу своего нынешнего положения. Величайший из мужей заставляет сомневаться в чистоте своих замыслов, когда исповедует такие жестокие, не знающие пощады средства, что даже климат восстает против него; но законы природы сильнее любого рассудка, и об отвесные скалы разбиваются даже очень высокие волны»⁶⁰.

Через два месяца Дежёфи написал: «Против воли небес и вопреки природе хотел использовать турок, потому что никак не мог поверить в готовящийся между русскими и Портой мир. Ведь он считал, что русские трусливы, как австрийцы, словом, его чванство, надменность и пренебрежение к другим сыграли с ним дурную шутку, так не ошибался ни Александр Великий, ни Цезарь». Он цитирует одного из полководцев французского императора: величие Бонапарта в слабости его противников. У деспотизма, пишет Дежёфи, во всех его формах во все времена был и будет один враг. Наставляет: «Я никогда не отказывал Наполеону в величии его таланта, но этого мало, чтобы просвещенные потомки причислили кого-то к сонму великих. Если мы хотим быть современниками действительно великих людей, нужно стремиться к тому, чтобы не называть великим то, что не направлено на благо человека». В этом письме, кстати, содержатся интересные строки о русских. Он полагал, что именно они — лучшие в мире солдаты, и будь у них более способные генералы, им не было бы равных на поле боя. Фридрих III* говорил, что их проще убить, чем победить. Этот народ станет великой нацией, когда несколько смягчит свои нравы. Они высоко ценят свободу, не любят городов, им свойственно глубокое национальное чувство⁶¹. Летом 1813 г. Дежёфи писал о Наполеоне так же, как в 1809 г. и не изменил своего мнения ни после «Битвы народов», ни после ссылки императора на Эльбу и затем на остров Святой Елены.

* По всей видимости, Дежёфи имел в виду Фридриха II Великого (1740–1786 гг.).

Выводы

Итак, как показано выше, ни у «официальной Венгрии» (Государственных собраний), ни у большинства общества не было однозначного отношения к наполеоновской Франции. Венгрия, будучи составной частью Австрии, понесла урон в материальных и человеческих ресурсах, участвовала в оборонительных войнах против Франции и не приняла предложенных ей Наполеоном в мае 1809 г. свободы и независимости. Никто не видел проблемы в том, что страна вскоре (вместе с Австрией) вольно или невольно, в силу непреодолимых обстоятельств, превратилась в союзника бывшего врага. Документальные свидетельства о настроениях, царивших в королевстве после печального исхода русской кампании, проясняют, что страна была готова к любым жертвам — вплоть до новых сражений с Наполеоном. После того как в августе 1813 г. император Франц нарушил мир, враждебность Бонапарту лишь усилилась⁶².

Старая и новая венгерская историография интерпретирует поведение венгров в начале XIX в. однобоко и упрощенно. Якобы дворянство боялось, что экспортер революции Наполеон отнимет у них привилегии, поэтому предпочло во всем поддержать венский двор. Дело не в том, что большинство венгерского дворянства не боялось потерять свои привилегии. Боялось, и открыто об этом заявляло. Но Наполеон был врагом не венгерского дворянства, но Габсбургской монархии, которую в 1809 г. (как никогда) хотел с помощью того самого венгерского дворянства ослабить. В адресованном венграм манифесте ни слова не говорилось о покушении на их сословные привилегии. Напротив: император всячески упирал на риторику древних прав и свобод. Таким образом, в 1809 г. венгры (как и ранее) обратили оружие не против экспортера революции, но против завоевателя, произвольно перекраивающего карту Европы и распределяющего престолы между членами своей семьи. Важно подчеркнуть: дворянское сообщество действительно судорожно цеплялось за свои привилегии, но — как было показано — во всех его слоях (среди мелких и средних дворян и аристократии) были те, к кому не применимы черно-белые категории.

Д. Кошари тоже несколько упрощал ситуацию, когда говорил, что в то время было три Венгрии. Первая — верное Габсбургам,

озабоченное сохранением своих феодальных привилегий дворянство. Вторая — недовольные габсбургским абсолютизмом, но и дорожащие своим статусом мелкие и средние дворяне. Третья — оппозиционно настроенные дворяне и некоторые группы интеллигенции, не довольные как двором, так и лояльными двору магнатами, которые видели в революционной Франции опору и даже возможного союзника⁶³. Проблема с этой попыткой таксономии заключается в том, что она умозрительна и требует дальнейшей детализации. Например, были те, кто хранил верность Габсбургам, но призвал к реформе страны, или те, кто заявлял о враждебности двору, но отстаивал свои феодальные привилегии. Видные представители духовной элиты либо вписываются в эти категории, либо нет. Начало XIX в., эпоха Наполеона, стало временем прозрения, когда пришло понимание подлинного места Венгрии в большой политике. Выступала ли страна против Бонапарта или заключала с ним союз, она плыла по течению. А гордые венгры в своем большинстве просто старались приспособиться к ежедневно менявшимся обстоятельствам. К такому выводу, с обычной долей театральности, пришел Йозеф Дежёфи, когда написал: «К сожалению, довелось родиться в этой стране, и стыдно быть венгром»⁶⁴. Этими словами граф подвел итог работе Государственного собрания 1811/1812 гг. Судя по переписке, этой оценке он оставался верен и в последующие годы.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Примечания

¹ Ф. Фюре в краткой и образной работе «История Французской революции» показывает, что стало с Европой всего за десять лет. См.: *Furet F. La révolution*. Hachette, 1988. Здесь и далее автор цитирует по переводу на венгерский язык: *Fure F. A francia forradalom története 1770–1815*. Вр., 1999². 289. old. На русском языке см.: Фюре Ф. *Понимание Французской революции*. М., 1998.

² *Furet F. A francia forradalom*. 291–292. old.

³ Ф. Казинци — М. Хелмеци, 21.VII.1813. KFL. X. köt. 499–500. old.

⁴ *Wertheimer E. I. Napoleon viszonya Magyarországhoz // Budapesti Szemle*. 1883. 11. évf. 34. köt. 77. sz. 175–178. old.

⁵ *Horánszky L. Vacsányi János és kora*. Вр., 1907. 441. old. С ним был согласен один из наиболее выдающихся венгерских историков XX в. Дюла Секфю (1883–1955). См.: *Szekfű Gy. A tizenkilencedik és huszadik század // Magyar történet*. Вр., s. d. VII. köt. 62. old.

⁶ Schuy G. Vacsányi János és I. Napoleon 1809-iki proklamatiója a magyarokhoz. Вр., 1914. 3–7., 101. old.

⁷ Kosáry D. Napoléon és Magyarország (далее — Napoléon). Вр., 1977. 102–108. old. Небольшая по объему монография Д. Кошари в 1971 г. была напечатана в журнале «Századok» («Века»), а в 1977 г., снабженная послесловием, в виде отдельной брошюры. Ср.: Kosáry D. Napoléon és Magyarország // Sz. 1971. 105. évf. 3–4. sz. 545–629. old. Двумя годами позже книга вышла во французском переводе: Kosáry D. Napoleon et la Hongrie. Вр., 1979.

⁸ Soós I. Adalékok Napoléon 1809. évi proklamációjának magyar fordításához // Magyar Könyvszemle. 1984. 10. évf. 1–2. sz. 108–111. old.

⁹ Текст манифеста на французском, немецком и венгерском языке приведен в: Marczali H. Magyarország története III. Károlytól a bécsi congressusig (1711–1815) (далее — Magyarország története). Вр., 1898. 582. old.

¹⁰ Дворянство — в обмен на налоговый иммунитет — было обязано лично участвовать в дворянском ополчении и на свои средства снаряжать войско для изгнания врага, вторгшегося в пределы отечества. Это обязательство, от которого господствующий класс никогда не отказывался, в начале XVI в. увязал с налоговым иммунитетом Иштван Вербёци (1458–1541) в сочинении «Трипартидум» («Троекнижие»). См.: Werbőczy I. Hármaskönyve. Вр., 1897. I. rész. 9. cím. 5. §. 65–66. old. Принимать участие в ополчении помимо дворян были обязаны те, кто считался дворянами. Подробнее см.: Poór J. Egy recenzió és recenziója // LTK. 2003. 74. évf. 1–2. sz. 131–132. old. Что касается войн с Францией до прихода к власти Наполеона, серьезные предложения делались на Государственных собраниях 1792 и 1796 гг.

¹¹ Донесения венгерских наблюдателей опубликовал Карой Кечкемети. См.: Kecskeмети Ch. Témoignes françaises sur la Hongrie à l'eroque de Napoléon 1802–1809. Bruxelles, 1960. Некоторые из этих документов использовал еще Э. Вертхеймер и они были известны историкам позднейшего периода. Д. Кошари в упомянутой выше работе сравнил и дополнил опубликованные Кечкемети источники. Материалы, опубликованные в 1960 г., также см.: Kecskeмети Ch. Notes, rapports et témoignages français sur la Hongrie 1717–1809. Paris; Budapest; Szeged, 2006.

¹² Benda K. A magyar jakobinusok iratai. Вр., 1957. 1. köt. LXXXVIII. old.; Вр., 1952. 2. köt. 814–820. old.

¹³ Kosáry D. Napoléon. 29. old.; Kecskeмети Ch. La Hongrie et le reformisme liberal. Problemes politiques et sociaux (1790–1848). Roma, 1989. P. 47.

¹⁴ Д. Кошари рассматривал принципы французской внешней политики, основываясь на публикации писем Талейрана к Наполеону: Kosáry D. Napoléon. 47–48. old. Ср.: Lettres inédites de Talleyrand à Napoleon, 1800–1809 / Publiées d'après les originaux conservés aux archives des Affaires étrangères avec une introduction et des notes par P. Bertrand. Paris, 1889².

¹⁵ См., например, сочинения Г. Берзевици «О принципах Австрии в управлении Венгрией» (Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze in der Regierung Ungarns // H. Balázs É. Berzeviczy Gergely a reformpolitikus 1763–1795. Вр., 1967. 317–326. old. и «О господстве Австрии в Венгрии» (Berzeviczy G. De dominio Austriae in Hungaria // A Magyar jakobinusok. [Вр., 1957]. 1. köt. 92–105. old.). Вторая работа ранее также выходила в венгерском переводе, см.: A magyar függetlenségi nyilatkozatok története / Szerk. K. Ballai. Вр., 1935. 37–56. old.

¹⁶ [Berzeviczy G.] Der Majestätsprocess in Ungarn. S. l., 1800. Впоследствии сочинение издал К. Бенда, см.: A Magyar jakobinusok. [Вр., 1952]. 3. köt. 326–353. old. О различных редакциях текста см. Ibid. 1–14., 326. old.

¹⁷ Berzeviczy G. De commercio et industria Hungariae. Leutschoviae, 1797. В немецком переводе см.: Berzeviczy G. Ungarns Industrie und Commerz. Weimar, 1802.

¹⁸ Berzeviczy G. Ueber den ungarischen Reichstag vom Jahre 1802 // Magazin für Geschichte, Statistik und Staatsrecht der österreichischen Monarchie. Göttingen, 1806. I. S. 69–145.

¹⁹ Книга «О состоянии и свойствах крестьянства в Венгрии» («De conditione et indole rusticorum in Hungaria») вышла в 1806 г. без титульного листа. К судьбам крестьянства Берзевици возвращался еще не раз в своих работах.

²⁰ Проект конституции вместе с упомянутым выше сочинением «О владычестве Австрии в Венгрии» рассмотрел Х. Марцали. См.: *Marczali H. Berzeviczy Gergely államiratai* // Budapesti Szemle. 1907. 35. évf. 132. köt. 370. sz. 41–54. old. Позднее он же опубликовал на венгерском языке проект конституции, направленный Наполеону. См.: Budapesti Szemle. 1933. 61. évf. 231. köt. 671. sz. 16–40. old.; 61. évf. 231. köt. 672. sz. 182–200. old. Э. Балаж изучила конституционный проект вместе с еще одним сочинением о французской революции на латинском языке (написанном до 1800 г.) и письмом Берзевици Наполеону. См.: *H. Balázs É. Notes sur l'histoire du bonapartisme en Hongrie* // Nouvelles Études Hongroises. 1969–1970. Vol. 4–5. P. 186–222; *Eadem. Notes sur les relations franco-hongroises. Berzeviczy et Napoléon* // Annales Historiques de la Révolution Française. 1973. Vol. 45. N 212. P. 245–263. Д. Кошари детально рассмотрел проект Берзевици: *Kosáry D. Napóleon és Magyarország*. 68–78. old.

²¹ Берзевици не впервые высказывал мысль, что реформы можно осуществить только «сверху». В цитированном выше памфлете 1806 г. о Государственном собрании 1802 г. он приходил к выводу, что обновление страны возможно исключительно путем военной диктатуры.

²² Доля городского населения Венгрии, проживавшего в вольных королевских городах, составляла 5%. Примерно таким же был процент дворянства (несколько десятков аристократических семей, средние дворяне, однодворцы и безземельные дворяне, у которых была только дворянская грамота). Население собственно Венгрии, Хорватии-Славонии, отдельно управлявшихся Трансильвании и Военной Границы было чуть больше 10 млн и проживало на площади чуть более 320 тыс. км².

²³ *Horváth I. Mindennapi. Horvát István pest-budai parlója 1805–1809* (далее — Mindennapi) / Szerk. A. Temesi, Szauder Józsefné. Вр., 1967. 216–218., 373., 424–425., 429., 432., 435. old.

²⁴ Ф. Казинци — Ф. Черей, 29.IV.1806. KFL. IV. köt. 134–135. old.

²⁵ Г. Дёбрентеи — Ф. Казинци, 11.III.1807. KFL. IV. köt. 510–511. old.

²⁶ Ф. Казинци — Ф. Черей, 14.II.1806. KFL. IV. köt. 53–54. old.

²⁷ Ф. Казинци — М. Вешшелени, 15.X.1807. KFL. V. köt. 191. old.

²⁸ Ф. Казинци — Й. Сентдёрди, 13.III.1805. KFL. III. köt. 290. old.

²⁹ Й. Сентдёрди — Ф. Казинци, 19.III.1805. KFL. III. köt. 295. old.

³⁰ Ф. Казинци — Ф. Черей, 21.XII.1806. KFL. IV. köt. 434. old.

³¹ Я. Киш — Ф. Казинци, 10.III.1807. KFL. IV. köt. 508. old.

³² О сословном патриотизме см. на русском языке: *Хаванова О.В. Нация — отечество — патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000.*

³³ *Kisfaludy S.* Hazafiúi szózát a' magyar nemességhez. Pest, 1809. 104., 108., 116. old.

³⁴ Ф. Казинци — Ф. Черен, 21.II.1809. KFL. VI. köt. 242–243. old.

³⁵ MNL OL. P. 53. 129. cs. 98. sz. 8. f. Ungarn während des letzten Österreichisch Französischen Kriegs 1809. Публикацию текста см.: *Poór J.* Gergely Berzeviczy über Ungarn und Österreich im Zeitalter der Napoleonischen Kriege // *Zeitschrift des Historischen Vereines für Steiermark.* Jg. C. Graz, 2009. S. 509–521.

³⁶ *Horvát I.* Mindennapi. 424. old.

³⁷ *Lukinich I.* Gróf Bethlen Elek naplójegyzetei az 1809-i erdélyi nemesfölkelésről // *Htk.* 1928. I–II. füzet. 98–99. old.

³⁸ Й. Чехи — Ф. Казинци, 19.VIII.1807. KFL. V. köt. 128. old.

³⁹ Й. Чехи — Ф. Казинци, 23.VI.1808. KFL. V. köt. 507–508. old.

⁴⁰ Ф. Казинци — Ф. Черен, 12.VI.1808. KFL. V. köt. 495–496.

⁴¹ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 7.V.1813. *Dessewffy József és Kazinczy Ferenc bizodalmas levelezése 1793–1831* (далее — *Dessewffy József és Kazinczy Ferenc*) / Szerk. G. Kazinczy. Pest, 1860–1864. I. köt. 285. old.

⁴² *Hohenegger L.* Győr' Ostromlásának Napló könyve 1809-ik Esztendőben // *Tudományos Gyűjtemény.* 1820. 2. sz. 80–81. old.

⁴³ *Kisfaludy S.* Freymüthige Geschichte der Insurrection des Adels von Ungarn im Jahre 1809 und 1810 // *Kisfaludy Sándor hátrahagyott munkái / Kiadta R. Gálos. Győr,* 1931.

⁴⁴ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 9.VIII.1809. *Dessewffy József és Kazinczy Ferenc.* I. köt. 101. old.

⁴⁵ Felséges Első Ferentz austriai császár, Magyar' és Cseh Ország' koronás királyától Buda szabad királyi fővárosába 1807-dik esztendőben, Sz. György-havának 5-dik napjára rendeltetett magyar ország' gyűlésének jegyző-könyve. Pesten, 1807. 312. old.

⁴⁶ *Ibid.* 628. old.

⁴⁷ Felséges Első Ferentz austriai tsászár, Magyar, és Cseh Ország' koronás királyától Po'sony szabad királyi várossába 1808dik esztendőben, Kiss-Aszszony havának 28-dik napjára rendeltetett magyar ország' gyűlésének jegyző könyve. Po'sonyban, 1808. 216. old.

⁴⁸ Felséges Első Ferentz austriai tsászár, Magyar, és Cseh Ország' koronás királyától Pozsony szabad királyi városába 1811-dik esztendőben, Kis-Aszszony havának 25dik napjára rendeltetett magyar ország' gyűlésének jegyző könyve. Pozsonyban, 1811–1812. 153. old.

⁴⁹ Felséges Első Ferentz austriai tsászár, Magyar, és Cseh Ország' koronás királyától Po'sony szabad királyi várossába 1808dik esztendőben, Kiss-Aszszony havának 28-dik napjára rendeltetett magyar ország' gyűlésének jegyző könyve. Po'sonyban, 1808. 298. old.

⁵⁰ *Marczali H.* Magyarország története. 591. old.

⁵¹ Й. Чехи — Ф. Казинци, 18.VI.1812. KFL. X. köt. 505. old.

⁵² Ф. Казинци — Й. Дежёфи, 17.II.1813, KFL. X. köt. 247–248. old.

⁵³ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 7.XII.1809, KFL. VII. köt. 127. old.

⁵⁴ МТАК К. MS. 10229/с.

⁵⁵ В конце 1812 г., размышляя о Фридрихе II и Наполеоне, он писал: «Доведись мне жить при них, мне было бы все равно, что они ведут свои армии в Египет или на Моску, что забирают налоги, потому что знал бы, что они вернутся в мой кошелек». См.: Ф. Казинци — М. Черен, 29.XII.1812. KFL. X. köt. 208. old.

⁵⁶ Ф. Казинци — Й. Дежёфи, 16.V.1813. KFL. X. köt. 374. old.

⁵⁷ Ф. Казинци — Й. Дежёфи, 1.V.1814. KFL. XI. köt. 364. old.

⁵⁸ Ф. Казинци — К. Д. Руми, 19.V.1814. KFL. XI. köt. 379. old.

⁵⁹ Ф. Казинци — П. Шипошу, 21.VIII.1814. KFL. XII. köt. 35. old.

⁶⁰ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 7.V.1813. KFL. X. köt. 357–359. old.

⁶¹ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 6.VI.1813. KFL. X. köt. 471–473. old.

⁶² Palatin Josephs Schriften / Zusammen gestellt und kommentiert von S. Domanovszky; hrsg. von F. Glatz. Вр., 1991. JN1-IV. 739., 744. old.

⁶³ *Kosáry D.* Napóleon. 14–16. old.

⁶⁴ Й. Дежёфи — Ф. Казинци, 28.VI.1812. Dessewffy József és Kazinczy Ferenc. I. köt. 245. old.

Б. Лазар

РУССКО-АВСТРИЙСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ВТОРОЙ АНТИНАПОЛЕОНОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Поход генерала Александра Васильевича Суворова-Рымникского и русско-австрийского союзного войска в 1799 г. в Италию по сей день считается великим достижением в военной истории Европы раннего Нового времени. Есть две причины, почему военно-историческая наука до сих пор не оценила этот поход по достоинству. Во-первых, летом 1799 г. герой, давший имя эпохе, Наполеон Бонапарт, находился в Египте, а историки, как нам представляется, не склонны придавать значения событиям, в которых тот не участвовал. Во-вторых, союзники не сумели развить успех, сопутствовавший им в начале операции. Швейцарский поход Суворова в сентябре того же года закончился неудачей, император Павел I приказал войскам возвращаться в Россию. Поражение, которое австрийцы в 1800 г. потерпели при Маренго, обесценили победы при Треббии и Нови. В то же время Итальянский поход оставил глубокий след в историческом сознании русских. Советская пропаганда успешно использовала в своих целях образ заклятого врага революций князя Суворова. Его сочинение 1795 г. «Наука побеждать» было включено в учебники военного искусства для Красной армии¹. Согласно позднейшим интерпретациям, Суворову удалось окружить французов благодаря наступательной тактике, основанной на быстрых марш-бросках и штыковых атаках, не похожей на бюрократический, педантичный, медлительный образ действий австрийцев, не помогавших, а, скорее, мешавших. Это объяснение в корне неверно или, по крайней мере, сильно упрощает картину. В военной истории было мало военных альянсов, где союзники так совершенно дополняли друг друга, как русские и австрийцы в 1799 г. К такому выводу, однако, приходят «только» на основании анализа военных успехов; участники событий совсем так не думали и горько жаловались друг на друга военному командованию в Вене и Санкт-Петербурге.

В 1799 г., во время войны Второй коалиции, российско-австрийское политическое и военное сотрудничество уже имело глубокие корни. В середине XVIII в. Россия, наконец, вступила в концерт великих европейских держав, о чем со всей очевидностью говорили военные успехи в ходе Семилетней войны (1756–1763). Взаимоотношения между Санкт-Петербургом и Веной во второй половине XVIII в. не были равными, но тогда у двух держав поводов к сотрудничеству было все-таки больше. Одним из них был «польский вопрос». Общая «добыча» крепко-накрепко связала три восточно-европейские монархии, «трех черных орлов», Россию, Австрию и Пруссию. В 1781 г., когда император Иосиф II и императрица Екатерина II (1761–1796 гг.) подписали военный альянс, связи между Веной и Санкт-Петербургом стали еще прочнее. В глубокой тайне эти два монарха вынашивали планы раздела Оттоманской Порты. Однако турецкая война 1788–1791 гг. вызвала у австрийцев скорее разочарование. Понеся колоссальные финансовые и людские потери, Вена на деле осталась с пустыми руками².

В войнах против революционной Франции, начавшихся в 1792 г., Россия долгое время никак себя не проявляла. Не скупясь на обещания, Екатерина II предпочитала решать «польский вопрос» и заниматься подавлением восстания под предводительством Т. Костюшко (1746–1817). Завоевания французов в долине Рейна и в Италии долгое время никак не затрагивали непосредственные интересы России. Войны Первой коалиции завершились подписанием мирного договора 1797 г. в Кампо Формио: Франция обрела новую границу по Рейну, ее господство в Нидерландах, Швейцарии и Италии, где образовались государства-сателлиты, получило международное признание. Баланс сил в Европе, бывший краеугольным камнем не только британской, но и российской внешней политики, явно нарушился в пользу одной державы — Франции. Еще до заключения мира Россия, наконец, приняла решение, что отправит против французов 60-тысячное войско, но в ноябре 1796 г. Екатерина II скончалась. Наследник Павел I, вступивший на престол с намерением все делать наперекор покойной матери, приостановил отправку войск и вернулся к тактике выжидания.

Мирный договор 1797 г. оказался, однако, лишь кратковременным перемирием. Агрессивная внешняя политика Франции и позиция архитектора австрийской внешней политики канцлера Франца

Тугута (1736–1818) стали причинами скорого ухудшения международной обстановки. Летом 1798 г. в Петербург прибыл эмиссар венского двора граф Л. Кобенцль (1753–1809), чтобы уговорить Павла I присоединиться к новому британско-австрийскому союзу, но к тому времени царь уже был зол на Бонапарта за египетский поход, а точнее за изгнание мальтийских рыцарей. Рыцарский орден Госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского находился под личным покровительством русского императора, который проявлял к ним особый интерес и даже собирался стать их гроссмейстером. Павел тут же пообещал доверенному лицу Тугута князю Францу Дитрихштейну (Дитрихштайну, 1767–1854) 60-тысячный корпус, в том числе 11 тыс. казаков, под командованием «победителя турок и поляков» Суворова. Французская экспедиция в Египет создала ту довольно необычную ситуацию, когда русские и турки объединились против общего врага — Бонапарта. С формальной точки зрения, русским и австрийцам не нужно было заключать никаких альянсов, достаточно было применить статьи договора 1795 г., восходящего к союзу 1792 г. Император Павел сначала предоставил Вене вспомогательные войска, но вскоре в его голове зародилась смелая идея морской и сухопутной операций. Наряду с 20 тыс. суворовского войска в бой должны были вступить 10 тыс. русских, высадившихся с британских кораблей в районе Неаполя, еще 27 тыс. русских под командованием А.М. Корсакова (1753–1840) должны были бы действовать совместно с эрцгерцогом Карлом в долине Рейна, наконец, 12 тыс. солдат к берегам Северных Нидерландов доставил бы британский королевский военно-морской флот. В то же самое время адмирал Ф.Ф. Ушаков (1744–1817) в Ионическом море, соединившись с турецкой эскадрой, занял Корфу³. Большую часть расходов на военные операции русских по договору, заключенному в декабре 1798 г., взял на себя Лондон⁴.

Оживление австро-русского сотрудничества скрепили традиционным, династическим образом. 22 февраля 1799 г. в Петербурге младший брат императора палатин эрцгерцог Иосиф попросил руки дочери царя — великой княгини Александры Павловны (1783–1801)*.

* Александра Павловна умерла родами в 18 лет. Палатин возвел в деревушке Ирем близ Обуды (ныне часть Будапешта) — излюбленном месте прогулок его покойной супруги — надгробную часовню.

Хотя данная статья в первую очередь посвящена функционированию русско-австрийского военного альянса, конкретным совместным военным операциям, в начале необходимо кратко охарактеризовать союзные войска. Русская армия в этот период претерпела серьезные реформы, характер которых, впрочем, был несколько противоречивым. Император Павел I, восхищавшийся Фридрихом Великим, сразу по вступлении на престол в 1796 г. решил переустроить русскую армию на прусский лад. В качестве первого шага он избавился от нескольких тысяч признанных непригодными офицеров, чем практически обезглавил генералитет. В целом ряде вопросов царь отбросил армию на несколько поколений назад: в полках насаждалась немилосердная муштра, число батальонов легкой пехоты (егерей) было сокращено. Суворов же словно и не обратил внимания на реформы царя, хотя сам никогда не поддерживал преувеличенного внимания к внешним атрибутам, ношения пудренных париков. Раньше Павел I отстранил лучшего генерала Екатерины II, но, принимая во внимание огромную популярность Суворова, в канун Итальянского похода вынужденно вернул его на службу. Тактика полководца основывалась в первую очередь на наступлении, которое проводилось жестко, с полной концентрацией сил. Русская армия уже в 70-е годы XVIII в. имела хорошо оснащенное квартирмейстерское подразделение, которое можно считать предтечей современного Генерального штаба, но в 1774 г. его расформировали по причине поголовной неприязни к главе ведомства — генерал-квартирмейстеру Фридриху Вильгельму (Федору Васильевичу) Бауэру (1734–1803)⁵. Поэтому в 1799 г. русские войска в малознакомой итальянской местности оказались в полной зависимости от австрийцев, которые давно уже не могли себе представить ведение боевых действий без подробных карт и высококвалифицированных штабных офицеров. Та же ситуация сложилась со снабжением, которое — в соответствии с военным соглашением 1799 г. — легло на плечи императорско-королевской армии.

Если оценивать боеспособность частей, русская пехота благодаря своей смелости, выдержке и дисциплине не имела себе равных. Эту свою репутацию она подтвердила в 1799 г. Когда Наполеон в 1805 г. после победы под Ульмом готовился к сражению с М.И. Кутузовым, в прокламации к своим солдатам он заявил: пришло время узнать, чья пехота лучше, французская или русская⁶. Зато конница и артиллерия

русских не соответствовали требованиям времени. Те же казаки были незаменимы в разведке и рейдах по тылам, но своими грабежами и отсутствием дисциплины создавали много проблем.

Императорско-королевское войско в войнах Первой коалиции (1792–1797) в основном терпело поражения. Весной 1797 г. французы дошли до штирийского Юденбурга, ставка Бонапарта располагалась в нескольких днях похода от Вены. В долине Рейна императорские войска лишь отступали. Бельгию Габсбурги потеряли еще в 1794 г. Полиэтнический характер войска в некотором роде отражал те внутренние проблемы, с которыми сталкивалась Габсбургская монархия. Армия, основы которой заложили еще генерал-фельдмаршал граф Франц Мориц Ласси (1725–1801) и император Иосиф II, была крайне медлительной и забюрократизированной.

На простого «австрийского» (то есть чешского, немецкого, венгерского, хорватского, тирольского и т. п.) солдата еще можно было положиться, но в офицерском корпусе и высшем командовании нередко были случаи непрофессионализма, склоничества, групповщины, коррупции. Недоверие к генералитету достигало таких масштабов, что император Франц и канцлер Тугут предпочитали полагаться скорее на Суворова, чем на собственных военачальников, и беззастенчиво просили императора Павла «отпустить его» на австрийскую службу, чтобы тот возглавил направляемый в Италию австрийский корпус. В то же время, императорско-королевская артиллерия была одной из лучших в Европе, а действия инженерных войск и квартирмейстеров не вызывали нареканий. Генерал, стоявший во главе артиллерийских и инженерных войск еще до подписания русско-австрийского альянса отдал приказ военным заводам, чтобы те изготовили порох для царских войск, соответствующий калибру используемых там ружей и пушек⁷.

Прежде чем перейти к анализу военного сотрудничества, следует вкратце охарактеризовать боевые действия 1799 г. Хотя Павел I предназначал свои войска для Германского и Швейцарского фронтов, вскоре стало ясно, что больше всего в русских нуждаются именно в Италии. Авангард царской армии еще в октябре 1798 г., перейдя Буг, ступил на австрийскую территорию и встал на зимние квартиры в нижне-австрийском Розенберге. Отсюда под командованием Суворова русские неспешно, в течение тридцати дней дошли до Италии.

Тем временем у реки Адидже вспыхнули боевые действия. В апреле 1799 г. расположенные в Италии части французов под командованием генерала Луи Шерера атаковали австрийцев близ Вероны, чтобы наголову разбить их до прихода подкрепления русских. В боях, продолжавшихся с 25 по 31 марта, временный главнокомандующий императорскими войсками подполковник венгерского происхождения Пауль (Пал) Край (1734–1804) отразил атаки французов и сам перешел в наступление. 5 апреля он разбил Шерера в сражении при Маньяно, французы отошли за реку Минчио. 20-тысячное русское войско под личным командованием Суворова прибыло к театру боевых действий 14 апреля 1799 г. Прибывший одновременно с русскими генерал кавалерии Михаэль Фридрих Бенедикт Мелас (1729–1806) принял от Края верховное командование императорско-королевской армией в Италии. Поскольку император Франц произвел Суворова в австрийские маршалы, русский военачальник стал, таким образом, самым авторитетным командиром в союзном войске.

19 апреля в Италии началось наступление на растянувшуюся вдоль течения реки Адда французскую армию, во главе которой встал генерал Жан Виктор Моро (1763–1813). 21 апреля, справившись с некоторыми затруднениями, передовые отряды Суворова заняли Брешию. После этого русскому полководцу пришлось разделить основное войско на две части: 23 тыс. под командованием Края остались осаждать Мантую и Пешу, в то время как 50-тысячная армия — в том числе части русских — во главе с Суворовым и Меласом двинулись на Милан. 26–28 апреля союзники переправились через Адду, окружили и пленили целую французскую дивизию и на следующий день продолжили путь к Милану. В мае союзники вступили в Пьемонт. После ряда побед местного значения 25 мая Суворов занял Турин. Молниеносное продвижение было остановлено атакой французской армии под командованием генерала Этьен-Жак-Жозеф-Александра Макдональда (1765–1840) в Южной Италии. С 16 по 18 июня на берегах реки Требия произошло самое на тот момент крупное сражение кампании. Макдональду и Моро так и не удалось объединить свои силы, и победа в кровопролитном сражении досталась союзникам. 31 июля 10-тысячный гарнизон Мантуанской крепости капитулировал перед осаждавшими его частями генерала Края. Одновременно эрцгерцог Карл одержал ряд побед на Нижнерейнском фронте и оттеснил французов к Цюриху.

Успехи Суворова, Меласа и Края привели к «смене режима», к государственному перевороту в Париже. Новое правительство направило солидное подкрепление к расположившимся вокруг Женевы французским частям под командованием генерала Бартеlemi-Катрин Жубера (1769–1799). Армия Края, колоссальным напряжением сил совершив марш-бросок, прибыла на пьемонтский театр военных действий: в сражении при Нови 15 августа, ставшей одной из самых кровопролитных битв столетия, союзники одержали крупную победу. За исключением женевского лагеря и Пьемонтских гор, французы были изгнаны из Италии. Успехами русских и австрийцев восхищался сам Бонапарт, который прежде был уверен, что Мантуя сможет продержаться хотя бы до ноября⁸.

Однако 25 августа Суворов получил приказ от императора Франца: незамедлительно выступить с русскими частями в Швейцарию. Под давлением британцев Вена, Санкт-Петербург и Лондон договорились о том, что главным театром военных действий станет Швейцария, поскольку (ошибочно) полагали, будто оттуда легче всего вторгнуться во Францию. Суворов безуспешно просил изменить это решение или, по крайней мере, оставить войска в Италии хотя бы на один месяц. Государи были непреклонны. К тому же за Лондоном, который нес львиную долю расходов по финансированию операции, оставалось последнее слово в определении направления главного удара.

Требование британцев в некотором роде соответствовало желаниям Тугута и Франца, поскольку Вена все решительнее хотела удалить русских из Италии. Суворов, как только ступил на землю Пьемонта, не посоветовавшись с союзниками, следуя единственно распоряжению императора Павла, издал манифест к жителям провинции. В нем он призвал вернуть своего изгнанного короля и восстановить власть Савойской династии. Вене крайне не понравилось, что русские позволяют себе вмешиваться в итальянские дела, считая регион своей сферой интересов. Тугут посредством императорского рескрипта приказал Суворову отозвать свой манифест, на что — с одобрения Санкт-Петербурга — полководец вообще никак не отреагировал⁹. Государственный канцлер, прикрываясь жалобами австрийских генералов, писал послу графу Кобенцлю: «Те бесчисленные неудобства, которые, вызваны поведением генерала [Суворова] в Италии, подчиняющегося

иностранным [русским] приказам и открыто игнорирующего интересы его величества, столь невыносимы, что его величество испытает облегчение оттого, что тот продолжит службу в Швейцарии»¹⁰.

В конце августа императорские части оставили Италию, чем фактически был положен конец военному сотрудничеству австрийцев и русских в Италии, не считая роли полковника Франца Вейротера, который по-прежнему служил в качестве начальника штаба Суворова. Так, ему была доверена подготовка плана боевых действий в Швейцарии.

Швейцарский поход Суворова, по понятным причинам, не оправдал связывавшихся с ним надежд, хотя русским удалось совершить беспрецедентный переход по пересеченной местности в крайне неблагоприятной обстановке. Русские части под командованием Корсакова, выдвинувшиеся из Германии, в сентябре при Цюрихе разбил генерал Андре Массена (1758–1817), поэтому Суворов напрасно вел свои войска по нехоженным дорогам, пастушьим горным тропам, по убегающим в небо мостам и перевалам, потеряв артиллерию и лошадей. Швейцарский поход русской армии, не имевшей опыта боевых действий в горах, можно смело назвать политическим решением, родившимся за письменным столом и игнорировавшим основы военного искусства. К тому же на сложной, пересеченной местности у французов и перед австрийцами, и перед русскими было несомненное преимущество. Однако разрыв между двумя великими державами был все-таки подготовлен политиками, в первую очередь — интригами канцлера Тугута, который с ревностью взирал на усилия императора Павла и Суворова по урегулированию дел в Италии. Вена однозначно считала полуостров сферой своего влияния. Серьезные военные последствия политических решений, направленных на прекращение боевых действий в Италии, сказались уже в следующем году. Весной 1800 г. австрийским войскам пришлось провести несколько долгих месяцев, осаждая Женеvu, что позволило Бонапарту снарядить новое войско.

Как же функционировала эта военная машина австро-русской союзной армии в 1799 г. под командованием Суворова? Руководство коалицией никогда не обходится без проблем. Взаимопонимание может осложняться культурными и языковыми различиями, расхождениями в военных обычаях, стиле руководства, тактике ведения